

4

Karta

КАРТА

РОССИЙСКИЙ НЕЗАВИСИМЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

RUSSIAN INDEPENDENT HISTORICAL JOURNAL

ЧКГБ: конец эпохи или новый виток?

Адрес:
390000, Россия, г.Рязань,
пл.Костюшко, 3.
Для писем:
390000, Россия,
Рязань-центр, а/я 20.
Телефон: (0912) 77-51-17.
E-mail:
julia@memorial.ryazan.su

Учредитель:
Редакция независимой
газеты "Рязанский вестник".
Журнал зарегистрирован
Министерством печати и
информации 29.12.1992.
Свидетельство о
регистрации N 01949.

Главный редактор
Андрей Блинушов
Редакция
Юлия Середя
Игорь Блинушов
Сергей Романов
Олег Шубин
Петр Мицнер
Виктор Лозинский

Мнения авторов не
обязательно совпадают с
точкой зрения редакции.
Сохранность рукописей,
фотоматериалов и
документов гарантируется.

Над номером работали:
А. Блинушов, В. Дылевский,
В. Романов, С. Романов,
Ю. Середя, О. Шубин,
Л. Осепян, Е. Каширин.

Отпечатано ТОО "СЕРВИС"
390000, Рязань,
ул. Кольцова, 16

Заказ N6
Подписано в печать 6.01.1994
Печать офсетная.

Тираж 2000 экз.

Российская «КАРТА» основана в ноябре 1992 года по инициативе польского независимого исторического журнала «KARTA», выходящего с января 1982 года, и рязанского общества «МЕМОРИАЛ», учрежденного в октябре 1989 года.

В НОМЕРЕ:

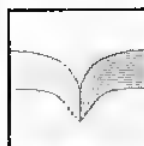
Е. ПИСАРЕВ Рада, Потьма, тьма ГУЛАГа <i>Французы в советских концлагерях</i>	3
Острова скорби <i>Лагерные кладбища Ленинградской области</i>	8
Г. МАРТИРОСЯН Об одной белой странице черного предательства <i>Как большевики уничтожали Армянскую армию</i>	10
Списки репрессированных офицеров <i>Из архива рязанской ЧК</i>	16
Экспедиция «Карты» по Воркутлагу <i>Лагерь строгого режима на реке Харбей</i>	20
Берия – Сталину <i>Создание спецподразделений в Советской армии</i>	23
Г. ЖАВОРОНКОВ Сверхсекретный объект <i>Тайна Селецких захоронений</i>	24
К. ЛАСКОВИЧ Стройбатальоны <i>Армейские «зоны» для иностранцев</i>	26
Б. КУЯВА «На их месте мог быть и я...» <i>Из личного архива солдата вермахта</i>	34
Г. КРАУЗЕ Пятилетка в советском плену <i>Свидетельство военнопленного</i>	36
«Я твой окоп, Добро...» <i>ЦК КПСС против Юлия Даниэля</i>	37
«Хорошо, что мы – большевики...» <i>Трагедия «солдат партии»</i>	39

Журнал «Карта» издается при содействии:

Международного
историко-просветительского
и правозащитного общества
«Мемориал»

Фирмы
оргтехники
Антониуса
Гуттермана
(Мюнстер)

Полиграфической
фирмы Петера
Ломманна (Мюнстер)

Бизнесмена
Владимира
Панкратова
(Рязань)

Института Демократии
в Восточной Европе
(IDEE)

Полиграфической
фирмы ТОО «Сервис»
(Рязань)

КАРТА ТВОЕЙ ИСТОРИИ

ЭКСПРЕСС ХРОНИКА

Карта
КАРТА

Крупнейшее правозащитное издание России – газету «Экспресс - хроника» и российский независимый исторический журнал «КАРТА» вы всегда сможете купить в фирменном киоске «Э - Х» в Москве, на Пушкинской площади, напротив кинотеатра «Россия».

Евгений ПИСАРЕВ

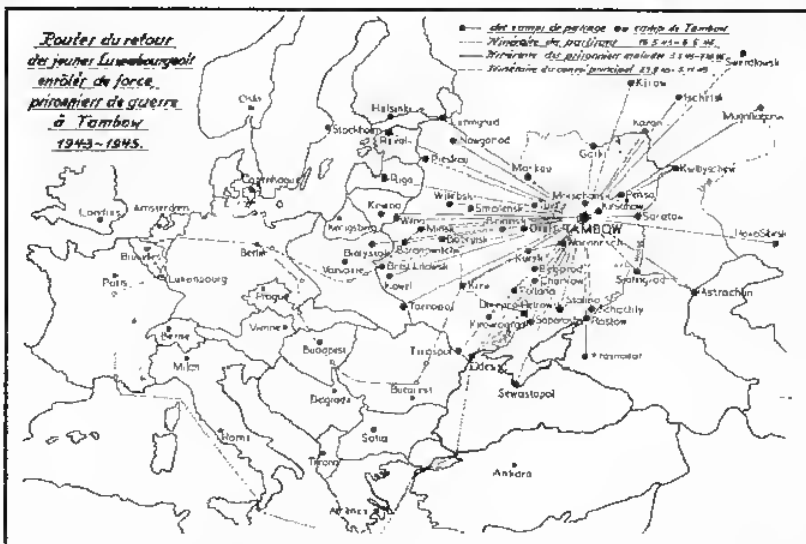
«Все погибшие имеют право на достойное погребение и их могилы должны уважаться»

В декабре 1989 года в Москве создан международный неправительственный благотворительный фонд «Вечная память солдатам». Его цель — оказание помощи всем страждущим солдатам второй мировой войны, сооружение мемориалов всем погибшим, преодоление идеологических и политических последствий второй мировой войны. Попечителями фонда стали пятнадцать народных депутатов СССР, среди которых был безвременно ушедший от нас лауреат Нобелевской премии мира Андрей Дмитриевич Сахаров. В совет попечителей фонда вошли также священнослужители, известные деятели науки и культуры.

На тамбовщине не шли бои. Но в ее земле покоятся тысячи военнопленных, ставших жертвами диктаторских режимов Гитлера и Сталина. Могилы многих из них неизвестны, места захоронений ничем не обозначены.

Нуждаются в уходе и кладбища советских воинов, умерших от ран в госпиталях. Ждут нашего участия ветераны, инвалиды войны. Многие из погибших в плену были солдатами поневоле, все они — жертвы войны. И не будем сводить счеты, время лечит раны. Поэтому мы обращаемся к тем, кому известны места захоронений военнопленных, кто что-либо знает о судьбе тех, кого на родине считают без вести пропавшими: сообщите нам об этом. Фонд «Вечная память солдатам» готов выделить средства на уход за их могилами. **«Все погибшие имеют право на достойное погребение и их могилы должны уважаться».**

(Из декларации о защите солдатских захоронений и могил Международного неправительственного фонда «Вечная память солдатам»)

Карта этапирования французских и люксембургских граждан узников тамбовского лагеря НКВД №188.

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Рада, Потьма, тьма ГУЛАГА...

Казалось, война все спишет... Не списала. Ни миллионы жизней, безоглядно брошенных на ненасытный алтарь второй мировой, ни грубые просчеты военного командования, ни тотальной подозрительности, подорвавшей боеспособность нашей армии.

Не списала война тысячи и тысячи военнопленных и интернированных разных национальностей, погибших в лагерях. По ту и другую сторону линии фронта...

В годы войны НКВД собрал на Тамбовщине представителей народов чуть ли не всей Европы. Были среди них и те, кто сражался с фашистами в рядах союзников. Но участь их была общей. Умирили от ран, от болезней, погибали от пули охранника «при попытке к бегству».

Несчастным, попавшим в плен, оказывалась медицинская помощь, но медицина, тем более лагерная, была не всесильна. Для военнопленных предусматривались достаточные, для того времени, нормы питания, но всегда ли продукты полностью попадали в лагерный котел? Для военнопленных был предусмотрен 8-часовой рабочий день, но архивы сохранили документы, свидетельствующие о том, что в 1945-1946 годах они работали по 12-15 часов.

Военнопленных из тамбовских лагерей постигла разная участь.

Одни и по нынешний день живут и здравствуют у себя на родине, куда они вернулись сразу же после войны. Другие остались лежать на лагерных кладбищах. Третьим сполна пришлось испытать различие между лагерями для военнопленных и лагерями, предназначенными Сталиным для своих «братьев и сестер».

Кем же были эти французы?

О существовании под Тамбовом, недалеко от станции Рада, в годы войны лагеря, где содержались французские военнопленные, я узнал лет девять назад от представителя ассоциации «Узники Тамбова» Жана Тюэна, который приехал в Тамбов, чтобы узнать подробности о судьбе своих соотечественников. Но в то время история спецлагеря № 188 оставалась тайной за семью печатями. И, видимо, поэтому в своем интервью, данном представителям французской печати, Жан Тюэн сделал предположение, что на станции Рада и сейчас содержатся заключенные. Советская сторона предположение это отвергла, но подробности о судьбе военнопленных французов не сообщила.

В 1990 году агентство Франс Пресс распространило коммюнике «Ассоциации оказания помо-

щи французам, пропавшим без вести в Советском Союзе», и ассоциации «Узники Тамбова», в котором говорилось, что в 1943-1945 годах в общих могилах в лесу у станции Рада захоронено более 10 тысяч французозов, умерших в заключении, в концентрационном лагере N 188. Об этом документе сообщила газета «Известия» в номере от 22 апреля 1990 года и, ссылаясь на книгу ведущего научного сотрудника Института социальной истории Пьера Ригуло «Трагедия солдат поневоле», прокомментировала сообщение французской печати.

Кем же были эти французы? Почему представители союзной страны оказались в нашем лагере для военнопленных? Как в дальнейшем сложилась их судьба?

На первые два вопроса ответить легко. А поиски ответа на третий породили новые.

После насильственного присоединения в 1940 году к Германии Эльзаса и части Лотарингии молодежь этих двух французских провинций была мобилизована в фашистскую армию и отправлена на Восточный фронт. Летом 1943 года Комитет национального освобождения Франции, возглавляемый генералом де Голлем, обратился к своим соотечественникам с призывом переходить линию фронта и сдаваться в плен Красной Армии. Более 100 тысяч эльзасцев и лотарингцев откликнулись на этот призыв. Значительная часть из них, считает французский историк, оказалась на станции Рада.

В июле 1944 года 1500 человек были освобождены и переправлены в Алжир, где они примкнули к армии генерала де Голля. Оставшиеся в лагере французы оказались в ужасных условиях, в результате чего к концу войны там, по версии Франс Пресс, погибло более 10 тысяч «солдат поневоле». Те, кто выжил, сообщает в своей книге П. Ригуло, вернулись после войны на родину, но французские власти, не желая портить отношения с СССР, не спешили обнародовать злоключения эльзасцев и лотарингцев в России. Первые сведения о них начали появляться в печати только в начале 50-х годов. Но судьба многих неизвестна и по нынешнюю пору, поэтому французская сторона считает необходимым создать совместную комиссию и открыть для нее все архивы.

Во власти конвоя

П. Ригуло в своей книге утверждает, что после отправки из лагеря N188 в армию генерала де Голля 1500 французозов, положение оставшихся резко ухудши-

лось. Пишет об этом, основываясь на рассказах бывших узников.

А вот свидетельство незаинтересованной стороны — рапорт на имя тогдашнего начальника лагеря N188 майора госбезопасности И. Юсичева: «Доношу, что 11/1-1945 было выведено под конвоем 29 человек в/п (военнопленных — Е. П.) французозов за дровами. Отойдя 100 метров от зоны, начальник конвоя спросил, французы они, или нет. Получив утвердительный ответ, стал их избивать...» Далее сообщается, что избивались они палками регулярно, главным образом за то, что не поспевали за конвоем.

Действия конвоиров вряд ли контролировались, тем более что попадали туда люди случайные, нередко с уголовным прошлым. Поэтому ослабевшие, бесправные военнопленные всецело находились во власти конвоя. Так, 27 декабря 1945 года майор И. Юсичев направляет в Москву, в соответствующее ведомство, служебную записку: «Прошу о немедленной замене гарнизона конвойных войск НКВД лагеря N 188, так как имеют случаи со стороны бес состава пьянства во время конвоирования контингента, утери оружия в пьяном виде, оставление военнопленных вовсе без охраны, военнопленные доставляют в лагерь пьяный конвой...» Теперь представьте себе ослабевших бесправных людей под охраной пьяного вооруженного конвоя...

Военнопленные содержались не только в самом лагере на стан-

ции Рада, лагерные участки были рассеяны по всему лесу.

Их хоронили живыми

Александра Степановна Крушатина хорошо помнит это время. В 40-е годы она жила с родителями на лесном кордоне в шести километрах от станции Рада. Рядом с кордоном проходила узкоколейка. Сегодня от нее сохранилась еле заметная просека, остатки насыпи и сгнивших шпал. Александра Степановна рассказывает:

— Привезли пленных сюда летом в вагонах, в них они и жили. А работали на лесоповале. Заготавливали рудостойки, грузили в вагоны, потом их цепляла «кукушка» и куда-то отвозила... Как были пленные одеты? В форме были, в немецкой... Кто в такой грязно-зеленой, а кто в желтоватой. Точно не скажу, какой они были национальности, но люди разные. А зимой пленные жили в землянках. Вот здесь они были, видите, ямы остались...

Рядом с бывшей узкоколейкой действительно просматривались глубокие ложины довольно правильной формы. В мощные стволы сосен вросла толстая проволока, какой обычно вяжут «пасынки» к телеграфным столбам. Видимо, ею крепились стойки, поддерживающие крышу. Сравниваю землянку с рисунком из другой книги П. Ригуло — «Французы в ГУЛАГе. 1917-1984». Похоже, да и размеры совпадают. Только на рисунке, сделанном бывшим французским военнопленным, землянка наполнена трупами...

— А умирало пленных много? —

Иностранцы — заключенные лагеря N188

ФОТО ИЗ АРХИВА АРКАДИЯ ЛИВЩИЦА

спрашиваю Александру Степановну.

— Ой, много! Их складывали на телеги, везли в лес и неподалеку закапывали. Сами же пленные их и хоронили, я место могу показать. Закапывали неглубоко, едва землей присыпали. Однажды, помню, пошла сено косить и наткнулась на свежую яму. Смотрю, а из земли рука торчит... А иные, которых хоронить везли, грех сказать, еще живые были. Сама слышала, как один слабым голосом кричал: «Мама, мама...»

В архиве сохранился «Доклад о состоянии лагеря N188», в нем приведены цифры смертности среди военнопленных за 1943 год: январь — умерло 1464 человека, февраль — 2581, март — 2770, апрель — 1811 человек. Дальше число смертей пошло на убыль. Всего с января по ноябрь 1943 года умерло 14433 человека. Немцев, итальянцев, румын, венгров. Военнопленных французов тогда еще не было, на станцию Рада они начали поступать только в самом конце 1943 года.

Не только во французах дело! Потрясает бухгалтерия смерти. Военнопленные прибывали главным образом из-под Сталинграда. Среди них было много обмороженных, больных дистрофией, тифом, дизентерией, туберкулезом. Им, конечно, оказывалась элементарная медицинская помощь, но эшелоны с пленными шли и шли...

Рассказывает Зинаида Сергеевна Вавилова. В годы войны она жила в поселке Новая Ляда, в нескольких километрах от Рады.

— Первый эшелон с пленными пришел зимой 43-го года, в начале года. Потом еще... Состав выстроился километра в два, до нашего поселка протянулся. Я была девчонкой, мы с подружками бегали на станцию смотреть не-

мцев, кидали им в окна хлеб, снег — они пить просили. А конвой нас отгонял... Видела, как сами пленные выбрасывали из вагона мертвых. Их складывали на повозки и везли хоронить в овраг, прямо за скотобойней. А если мертвых было много, их складывали на открытую платформу, потом куда-то отвозили. Но скоро пленных перевели в лагерь. Иные из них потом свободно ходили по поселку, меняли ве-

ми. Не было строго учета и в дальнейшем. Об этом свидетельствует, например, рапорт начальника учетного отдела старшего лейтенанта госбезопасности И. Скворцова, направленный 17 марта 1945 года начальнику лагеря N 188. «Доношу, что, начиная с января месяца 1945 года, не представляются акты о захоронении в/пленных. В силу чего материалы на умерших в/пл. высылаются не полностью оформленные, о

чем имеется напоминание отдела по руководству лагерями. Прошу вашего указания о своевременном составлении и предоставлении в учетное отделение актов о погребении в/пленных...»
Надо полагать, что речь идет об умерших на участках, таких, о каком рассказывала Александра Степановна Крушатина. И таких участков было не сколько. Например, в архивных документах упоминается Горельский стройучасток «Цнинстрой», где работало около 800 военнопленных. Условия жизни там резко отличались от условий жизни в самом лагере: пленные жили в неотапливаемых землянках, спали на соломе.

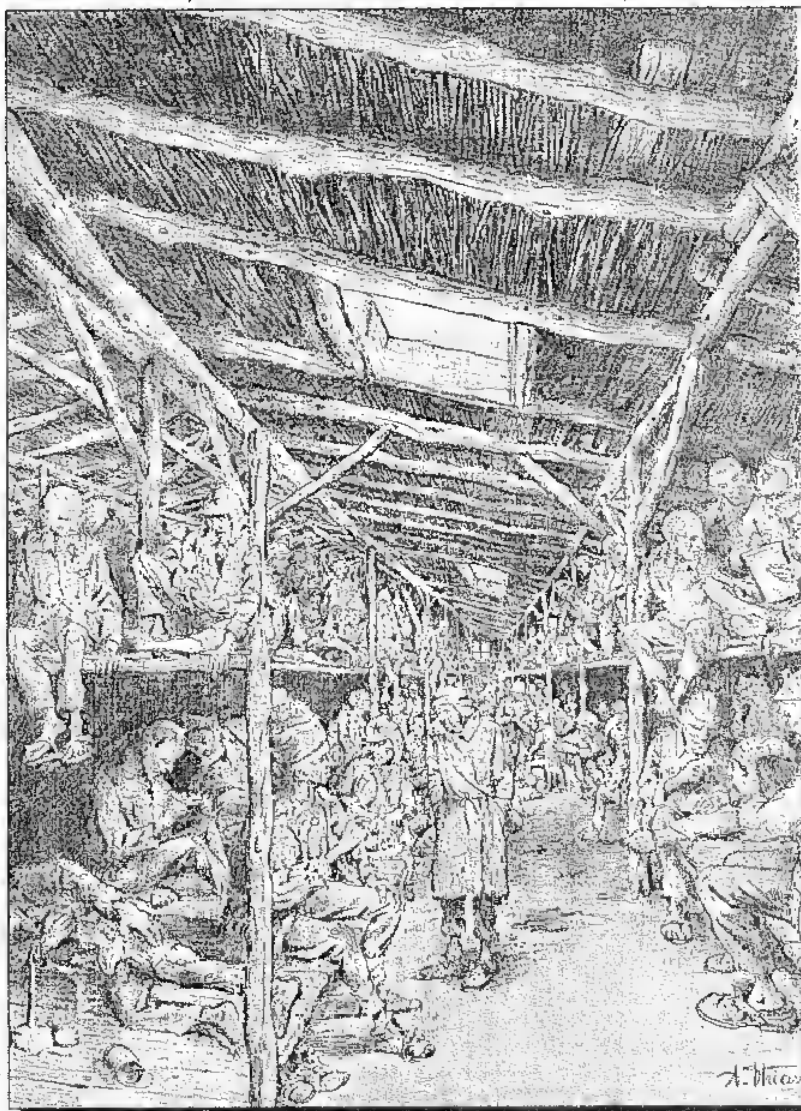
Серафим Константинович Андреев работал в «Цнинстрое» водителем полуприцепа, возил на Горельский участок продукты для военнопленных. В основном, вспоминает он, это были мука, рыбный фарш, капуста. А

обратным рейсом той же полуприцепой отвозил на Раду трупы.

Сколько их, безымянных могил, на которых ни холмика, ни столбика, разбросано в лесах под Тамбовом! Что это были за люди, какой национальности — Серафим Константинович Андреев не задумывался. Враги — и все.

«Тамбовский Париж»

В январе 1944 года начальник

В барак тамбовского лагеря. Рисунок заключенного

ИЗ АРХИВА ЕВГЕНИЯ ПИСАРЕВА

щи на молоко, хлеб, картошку. Они и к нам в дом заходили, мама им всегда молоко давала. А один пленный венгр мне даже помогал уроки по математике делать, он до войны учителем был...

Судя по рассказам очевидцев, точного учета умерших военнопленных не велось, тем более в те дни, когда на станцию фактически прибывали вагоны с трупа-

лагеря N188 получил распоряжение от заместителя начальника управления НКВД СССР комиссара госбезопасности Сопрененко, в котором, в частности, говорилось: «Едиственная национальность, которая сосредотачивается только в Вашем лагере, это французы, бельгийцы и люксембуржцы. По мере возможности в зимних условиях они из всех лагерей будут стягиваться в Ваш лагерь.»

Таким образом, в 1944 году лагерь N188 обрел специализацию. Сюда и стали свозить эльзасцев и лотарингцев, сдавшихся добровольно в плен. До этого, надо полагать, они содержались в других лагерях, где также свирепствовали болезни, где смерть тоже косила всех без разбора. Поэтому те 10 тысяч французских военнопленных, о которых сообщает П. Ригуло, приняла не только Тамбовская земля — безымянные могилы несчастливых, так и не ставших солдатами генерала де Голля, разбросаны по всей России. Где и на каких станциях и полустанках остались лежать солдаты, призванные в немецкую армию не по своей воле, — архивы об этом пока молчат. Но есть документ, проливающий свет на дальнейшую судьбу тех, кто оказался в лагере N188.

В мае 1944 года начальник управления НКВД СССР по делам военнопленных и интернированных генерал-лейтенант Петров сообщает на станцию Рада, что принято решение об отправке 1500 французов в распоряжение французских властей.

Лагерное начальство незамедлительно составило «План мероприятий по подготовке к отправке военнопленных французов», в котором был такой пункт: «Максимально улучшить бытовые условия всем военнопленным французам и в особенности первой партии военнопленных 1500 чел., подлежащих отправке». Видимо, именно в этот период и появился альбом с отзывами французских военнопленных, в котором они изложили свои впечатления о пребывании в лагере. Впечатления, разумеется, положительные. Отзывами, отчасти, и заслуживалось право попасть в число тех 1500 человек, которые должны были быть переданы французским властям.

«Ненадежных» — в Мордовию

На этот счет сохранилось недвусмысленное распоряжение из центра, подписанное все тем же генерал-лейтенантом Петровым:

«Организовать тщательную проверку военнопленных французов и всех, не соответствующих по

своим политическим качествам передаче французским властям, направлять в Темниковский лагерь N58 (ст. Потьма Казанской жел. дор.) пассажирским поездом в сопровождении сотрудников».

Этот документ многое объясняет. Но возникают и новые вопросы. Что значит «не соответствующие политические качества»? Разве желания сражаться с фашистами было мало? Или необходимо было вписываться в жесткие рамки тогдашней сталинской идеологии? Думаю, что в книгах П. Ригуло можно найти ответы на эти вопросы.

Что же касается судьбы тех, кто попал в Темниковский лагерь N58, то никаких других документов на этот счет в архиве найти не удалось. Но посочувствовать тем французам можно — они отправлялись в мордовские лагеря, на один из самых крупных островов архипелага ГУЛАГ. Темниково, Потьма, тьма ГУЛАГа. Не в этой ли тьме сгинули те 10 тысяч...?

Другая судьба

Уже отгремели победные салюты, а военнопленные в лагерь N188 продолжали поступать, в том числе и французы. Каким-то образом их здесь сортировали и отправляли, кого на запад, кого на восток, кого и на север. В теплушках, в вагонзаках, в пассажирских. Но всех — в сопровождении конвоя. А в лагере условия оставались тяжелыми. Об этом говорит записка, переданная по ВЧ начальнику управления НКВД Тамбовской области полковнику Лещуку 12 сентября 1945 года. В ней сообщается о тяжелом состоянии 2800 военнопленных французов, прибывших из Франкфурта-на-Одере в лагерь N188 истощенными и больными.

Как раз в этот период в лагерь вместе с другими интернированными французами попал и Ричард (Ришар) Душник-Блестен. Он не был ни эльзасцем, ни лотарингцем. Это — другая судьба.

Родился он в 1908 году в Париже. Во время войны служил во французской армии, воевал с немцами, попал в плен, потом бежал и, наконец, примкнул к польской Армии Крайовой. Вместе с частями Советской Армии освобождал Вильнюс. Его рассказ — это свидетельство «с той стороны», хотя Ричард Душник-Блестен живет сейчас в Эстонии в городе Валга. Своему советскому товарищу по другому лагерю он пишет:

«Пребывание в лагере для военнопленных и интернированных стоило жизни многим тысячам не только французов, но и гражда-

нам других национальностей. К примеру, когда я попал в лагерь на станции Рада, что в 15 километрах от Тамбова, то там в числе тысяч иных были и венгерские евреи. Их было несколько десятков, а до этого их погибло — никто не знает сколько сотен. Это были люди, которые, спасаясь от гитлеровцев, каким-то образом попали к советским «союзникам» в лагерь, где фрицы занимали самые теплые места «придурков» и имели в своих руках всю лагерную власть. Ты можешь представить, во что это вылилось для этих бедняг из Венгрии по эгидой наших «вертухаев». Фрицы издевались над ними как хотели. Так же они издевались и над эльзасцами и лотарингцами, которых немцы мобилизовали в ряды немецкой армии, присоединив эти земли к Рейху. При первой возможности французы сдались нашим в плен, а в лагерях оказались в качестве существ низшего сорта. Были там также и итальянцы, бельгийцы, несколько поляков, которые являлись остатками какой-то довольно многочисленной группы, попавшей в братскую могилу еще до того, как я очутился в этом лагере в числе двенадцати французов, воевавших вместе со мной в польской Армии Крайовой.

...Привезли нас в лагерь в 1944 году в декабре. Помню, морозы стояли трескучие. В лагере уже находились французские партизаны, они воевали в разных красных бригадах. Несколько человек из них держались в стороне. Это были эльзасцы, серьезные ребята. Некоторые из них, после сдачи в плен, активно сотрудничали с Красной Армией, поэтому с ними обращались также, как с партизанами — всех поместили в одну землянку, они помещались на нижних нарах и получили тюфяки. В остальном же, в смысле режима, они ничем не отличались от общей массы.

После немецкой группы французская была самой многочисленной. Во главе ее был поставлен один лотарингец, курсант военного училища. Когда мы прибыли, меня назначили переводчиком, считалось, что я владею русским языком.

Через несколько дней привезли большую группу французов, около 400 человек, которые никогда не служили в немецкой армии, а попали в плен к немцам еще в 1940 году. Освобожденные советскими дружественными войсками, они оказались в лагере для военнопленных вместе с немцами, которые издевались над ними по праву попавших в лагерь первыми.

В условиях северных областей

Макет лагеря НКВД N188

AMICALE DES ANCIENS DE TAMBOW, LUXEMBOURG

среди французов произошел естественный отбор на выживание, вследствие чего их осталось ох, как немного! С прибытием новичков французская группа стала реальной силой. Мы получили одну из кухонь, которую «обставили» французами. Потом вместе с группой пленных немцев прибыл Марсель Бурлье, мой друг детства. Он был старше меня по стажу, но так как я знал русский язык, то остался командиром французской группы. Мы, как могли, старались облегчить участь своих земляков, нам в этом все помогали, и мы добились определенных результатов.

Но страшная беда обрушилась на нас — эпидемия странной болезни. Человек начинал поноситься, терял аппетит, потом совсем переставал есть, терял силы и умирал. Это была не дизентерия. Среди пленных были очень хорошие врачи — немцы, австрийцы, венгр-профессор, были русские врачи, но они были бессильны. Мы совещались, но мор делал свое дело и собирал страшный обильный урожай. Сначала под морг отвели землянку N28, а когда она наполнилась трупами, ее заколотили и отвели под морг землянку в два раза большую — N14. Пока зима кончилась, и эта землянка наполнилась трупами. Потом их залило тальными водами. Тогда за зорной пленные румыны вырыли огромные братские могилы и там захоронили трупы.

Неизвестно, чем бы это кончилось, но однажды на мой вопрос не боится ли он поноса, один хороший парень, судетский чех, с малых лет живший в Париже, сказал мне, что не боится. Он его останавливает, прини-

мая внутрь слабый раствор марганцовки. Я побежал на вахту, позвал главврача и рассказал ей о таком методе лечения. Вызвали того чеха, и он повторил то, что сказал, порекомендовал дозы приема, и мы сразу начали экспериментировать. Надо сказать, что лекарств в медчасти и в лазаретах почти не было, но марганцовка нашлась. Начали ею поить больных, и понос прекратился почти у всех. Таким образом мы спасли множество людей. Как жаль, что об этом методе узнали так поздно!

Пришла весна, а вместе с ней известие об окончании войны. Ликование, надежды, мечты о возвращении на родину. Однажды меня вызвали в штаб и велели составить списки партизан, тех, кто активно сотрудничал с

Красной Армией, освобожденных военнопленных. Наконец нас собрали и 14 мая погрузили в открытые товарные вагоны. Настроение прекрасное, погода чудесная, кормежка неплохая, обед на остановках в продпунктах.

24 мая мы прибыли в Одессу, там уже было полно французов. Но это уже другой эпизод моей одиссеи, о которой я тебе уже рассказывал подробно. И хватит об этом...

Болезнь, которую описал Ричард Душник-Блестен, по всей видимости, была пеллагрой. Вызывалась она недостатком в организме белка, а так же никотиновой кислоты и некоторых других витаминов. Болезнь для ГУЛАГа обычная.

Как же дальше сложилась судьба Ричарда? Книга П. Ригуло «Французы в ГУЛАГе» недаром охватывает время с 1917 по 1984 год. 27 июля 1945 года Душник-Блестен был арестован в Одессе органами НКВД, обвинен в шпионаже и осужден на 7 лет лагерей. Срок отбывал в Коми АССР. С 1952 года находился в ссылке в Сыктывкаре, женился и остался жить на родине жены. В 1972 году реабилитирован. По специальности он архитектор, участвовал, кстати, в реставрации Псковского кремля.

Такая вот судьба. Странная для француза, но понятная тем, для кого сталинский режим, репрессии были бытом. Тогда каждый иностранец воспринимался вражеским шпионом, каждый мог разделить участь тысяч советских зеков.

Сколько еще судеб хранит в тайне тьма ГУЛАГа?...

Тамбов

Вывод на работу. Рисунок заключенного лагеря N188

AMICALE DES ANCIENS DE TAMBOW, LUXEMBOURG

ОСТРОВА СКОРБИ

Список кладбищ лагерей НКВД-МВД
для военнопленных и интернированных

№ лагерей, лаготделений, спец-госпиталей, рабочих батальонов	Пункты дислокации захоронений	Кладбище открыто	Всего захоронено
Лагерь N157: лаготделение N3	поселок Пикалево	1945	32
лаготделение N5	поселок Бокситогорск	1944	389/3
лаготделение N7	станция Тургаи Октябрьской ж.д.	1945	41/1
Лагерь N213: лаготделение N1	поселок Подпорожье	1945	36
лаготделение N2	Шеменинский лесопункт Лодейнопольского района	1945	17
лаготделение N2	Остров Октября	1946	29
лаготделение N2-4	город Волхов	1945	
лаготделение N3-9	город Волхов	1945	80/2
Спецгоспиталь N1114	поселок Сясьстрой	1944	1244/3
лаготделение N5	поселок Свирь-3	1945	164
лаготделение N7	деревня Затино Подпорожского района	1944	16
Лагерь N219: лаготделение N1	поселок Коммунар Павловского района	1944	105
лаготделение N2	станция Строганово Ленинградской области	1945	18
лаготделение N3	станция Понтонная Октябрьской ж.д.	1945	9
лаготделение N6	город Петродворец	1946	4
лаготделение N8	станция Ижора, поселок Тайцы	1946	6
Лагерь N254: лаготделение N1\8	город Петродворец	1945	27
лаготделение N2-9	поселок Иоханнес Выборгского района	1945	51
лаготделение N2-15	поселок Раута	1945	26
лаготделение N3-10	город Сестрорецк	1944	100
лаготделение N5-11	Шемилровка, берег Невы	1945	43
лаготделение N7-13	Володарский район, правый берег Невы	1946	31
лаготделение N8-14	завод имени Лепса	1946	9
лаготделение N12	город Кексгольм	1945	50
Лагерь N122: лаготделение N1-5-18	поселок Сланцы	1945	247
лаготделение N2-19	поселок Сланцы, шахта N2	1945	38
лаготделение N3-20	поселок Сланцы	1945	69

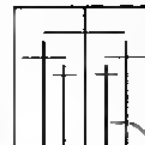
NN лагерей, лаготделений, спец-госпиталей, рабочих батальонов	Пункты дислокации захоронений	Кладбище открыто	Всего захоронено
Спецгоспиталь N261	Аэропортстрой, ст. Шоссейная, Варшавский вокзал	1945	570/7
Лагерь N399: центральный лазарет	Трупы переданы в мединститут	1945	242/12
лаготделение N3-7-21	город Колпино (фидерная подстанция)	1945	181/1
лаготделение N5-23	район Волод. моста, правый берег Невы	1945	22
лаготделение N4	город Ленинград	1945	94
лаготделение N3	город Ленинград	1945	66
лаготделение N12	город Петрокрепость	1945	24
лаготделение N14	поселок Жихарево	1945	30
лаготделение N18-35	город Красное Село	1945	14
лаготделение N24-47	деревня Горки, Волосовский район	1945	9
лаготделение N31-39-51	поселок Волосово	1945	498
Лагерь N393: лаготделение N1	город Сестрорецк	1947	12
лаготделение N2	деревня Кикерино, Волосовский район	1947	5
лаготделение N3	станция Тосно	1946	13
лаготделение N3-5-8	город Ивангород	1945	69
лаготделение N4	деревня Нисковицы, Гатчинский район	1945	13
лаготделение N4-9	поселок Красная Мыза, Волосовский район	1945	26
лаготделение N5-8-7	город Красное Село, поселок Рудничный, Сланцы	1945	46+280/4
Лагерь N393: лаготделение N10 УПВИ	станция Перницы	1947	38/2
ОРБ МВС N478	город Ленинград, Поклонная гора	1945	26
ОРБ МВС N438	поселок Папортно, Лужский район	1956	57
Спецгоспиталь N3808	поселок Бокситогорск	1944	340/15

Всего кладбищ	из них			всего захоронено	
	в Ленинграде	с пригородами	в области	военнопленных	интернированных
49	10	17	32	5551	52

Материал подготовлен с использованием документов Особого Архива Главархива СССР и архивных фондов «Мемориала»

Москва-Рязань

Der Aufmerksamkeit derer, die den Kampf um Menschenrechte und die Wiederherstellung der historischen Gerechtigkeit in der ehemaligen UdSSR unterstützen mochten

Wir wenden uns an die an dem Zweiten Weltkrieg teilgenommenen Personen, an ihre Familien mit der Bitte, uns durch eigene Erinnerungen, Zeugnisse, Fotodokumente zu helfen. *Unsere Adresse ist: 390000, Russland, Rjasan-Zentrum, Postfach 20.*

Fuer die Leser, die eine Moeglichkeit hatten, dem Rjasaner MEMORIAL bei der Finanzierung der Arbeit an dem Programm «Soldaten des Zweiten Krieges» Hilfe zu leisten, teilen wir unser Bankkonto in Deutschland mit:

Nr. 10707269, BLZ 40050150, Stadtparkasse Muenster, Westf, BRD.

Гюлаб МАРТИРОСЯН

Об одной белой странице черного предательства

Советизация на каждом клочке огромной страны сопровождалась насилием и обманом. Но мало в каком из районов она проводилась с такой жестокостью, как это было в Армении...

По навязанному оккупационными властями соглашению Советская Армения объявлялась «независимой социалистической республикой».

Но буквально через 10 дней начались массовые аресты и уничтожение деятелей правящих партий и офицерского корпуса Армянской армии...

Массовая высылка армянских офицеров началась 24 января 1921 года. По распоряжению ЧК и военных властей Красной армии в этот день все офицеры старой армии были приглашены на сборные пункты для «повторной регистрации»...

Арестованные офицеры прошли сквозь огонь первой мировой войны, некоторые сражались на баррикадах Бакинской коммуны, а после ее поражения через Ленкорань и Грузию торопились на родину, чтобы защитить ее границы от захватчиков.

А теперь в арестантских вагонах их везут из Баку в концентрационный лагерь города Рязани...

Наконец, после многолетних поисков в Государственном архиве Рязанской области (ГАРО) обнаружилось «Дело заключенных офицеров Армянской армии». Это могло произойти еще в середине пятидесятых годов. Приехав по распределению на работу в Рязань, я познакомился с живыми свидетелями этой трагедии — с рязанцами, которые в начале 20-х работали в концентрационном лагере, располагавшемся в черте города. По свидетельству последних, заключенные армянские офицеры остались в памяти горожан как интеллектуалы, художники, музыканты, мастера...

Мои попытки собрать более подробную информацию о жертвах произвола и беззакония каждый раз заканчивались назидательными беседами и серьезными предупреждениями со стороны соответствующих органов. Словом, прошли десятилетия, прежде чем 23 марта 1992 года раскрылись секретные фонды местного архива и «Дело заключенных офицеров Армянской армии» оказалось перед моими глазами.

Пожелтевшие от времени бумаги в четырех папках. А в них списки депортированных офицеров, их регистрационные карточки, обвинительные заключения, личные документы, заявления, протесты, телеграммы, фотокарточки и очень нежные, трогательные, но неотправленные письма на армянском языке. Они лежали в архиве более 70 лет...

Возникает закономерный вопрос: за какие тяжкие преступления защитники Сардарапата и Базаума, Зангезура и Карабаха, Нахичевани и Апарана оказались в концлагере города Рязани? Участвовали в организации заговоров, мятежей? Поднимали вооруженные восстания против Советской власти или воевали с какими-либо частями Красной армии? Может быть они вели антисоветскую агитацию? Ничего подобного.

История неопровержимо свидетельствует о том, что по своей профессиональной подготовке, воинской дисциплине армянские вооруженные формирования были самой организованной, сплоченной силой в тогдашнем Закавказье. Их объединяла и вдохновляла прогрессивная, плодотворная идея освобождения родной земли от порабощения, идея возрождения армянской государственности. Эти формирования появились значительно раньше самой Республики Армения. Они создавались на основе русской армии, в рядах которой к началу 1917-го года служило более 160 тысяч армян. Сразу же после февральской революции руководители армянского нацио-

нально-освободительного движения обратились к Временному правительству с предложением о создании армянской национально-освободительной армии. Новое руководство России и прежде всего Александр Керенский, который знал об армянской трагедии, положительно оценили это предложение, и уже к лету 1917 года на турецком фронте было создано шесть армянских полков. К октябрю 1917 года они вошли в состав вновь образованного Армянского корпуса, командиром которого был назначен генерал Томас (Фома) Назарбеков, начальником штаба — генерал Вышинский. Особым комиссаром корпуса стал генерал Драстамат Кананян (Дро), а его заместителем — чардахлинец, доктор Саркис Манасян. Вскоре в Армянский корпус была включена также дивизия генерала Андраника. К концу 1917 года Армянский корпус был окончательно сформирован.

За короткое время своего существования вооруженные силы республики Армения вели только национально-освободительную войну. Они не покушались на чужую землю, не переходили государственные границы других стран. В их активе — оборона Карабаха, Зангезура, Утика, и, в особенности, героическая Сардарапатская битва.

После поражения осенью 1920-го, в конце ноября того же года произошла советизация Армении. Точнее — ее оккупация частями XI Красной армии. Как отмечал полпред РСФСР в Республике Армения Борис Легран, советизация Армении осуществлялась за несколько дней и без единого выстрела со стороны армянской армии. Это было зафиксировано в документе под названием «Соглашение между полпредом РСФСР и правительством Армянской республики» от 2 декабря 1920 года. В нем, в частности, было сказано, что военные прежней Армении полностью реабилитируются и поступают на службу Советской власти. В четвертом пункте этого соглашения отмечается, что «...Командный состав Армянской армии не подвергается никакой ответственности за действия, совершенные в рядах армии до провозглашения Советской власти в Армении». Такой подход должен был применяться не только к военным, но и ко всем политическим деятелям правящих партий Республики Армения.

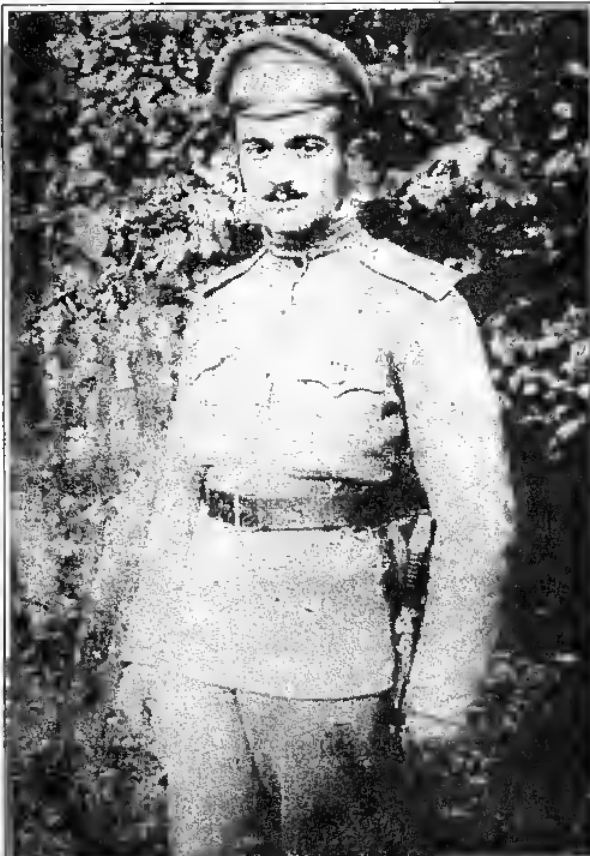
По договоренности с представителем Советской России это соглашение получило юридическую силу сразу же после его подписания, т.е. со 2 декабря 1920 года. Даже по этому, навязанному

оккупационными властями, соглашению Советская Армения объявлялась «независимой социалистической республикой» со своей относительно самостоятельной внутренней жизнью (ведь в 1920, да и в 1921 годах не был еще договоренности об образовании Союза Советских республик). На деле оккупационные власти не стали церемониться с правовыми нормами. Буквально через 10 дней начались массовые аресты и уничтожение деятелей правых партий и офицерского корпуса Армянской армии.

В своем письме на имя ЦК РКП, Ленина, Троцкого, Сталина народный комиссар иностранных дел ССР Армении А. Бекзадян отмечает, что за три месяца существования советской власти в Армении были арестованы 1400 офицеров Армянской армии (в том числе 15 генералов, 25 полковников и т.д.). Главным виновником этих массовых репрессий Бекзадян считает руководителя ЧК Армении Атарбекова, который прибыл в Ереван 14 января 1921 года. «На заседании Ревкома и ЦК Армянской компартии Отарбекия (точнее Атарбеков — Г.М.) — пишет А. Бекзадян, — ссылаясь на инструкции ВЧК, потребовал спешной безусловной высылки за пределы Армении всех бывших офицеров (как состоящих, так и не состоящих на службе в Красной армии). Несмотря на предостережение Ревкома, считавшего это решение политически неблагоприятным и не вызванным необходимостью, могущим привести к нежелательным последствиям. Отарбекия проводит в жизнь «инструкции» ВЧК» (ЦГАОР Армении, ф. 113, оп. 3, д. 7, л. 125-127). Нарком Бекзадян уверен, что ВЧК не могла дать санкцию на массовую высылку всех деятелей бывших политических партий и вооруженных сил Армении.

Однако, имеющиеся в «Деле заключенных офицеров Армянской армии» документы, а также обнаруженные за последние годы материалы второго конгресса Коминтерна, Съезда народов Востока, переговоров между руководителями Советской России и Республики Армения летом и осенью 1920 года, оккупации Карабаха, Зангезура и Нахичевани частями XI Красной армии и т.д. показывают, что Бекзадян абсолютизирует роль Атарбекова в этом черном деле. Атарбеков, Нуридджанян и им подобные не могли не быть марионетками в руках более могущественных сил, которые ставили перед собой задачу полного разгрома Армении с тем, чтобы установить непосредственную связь с так называемой революционной Турцией.

В вообще особое отношение Советского правительства к Армении началось еще в декабре 1917 года, т.е. тогда, когда одновременно с провозглашени-

Армянский офицер Мкртич Будагян накануне ареста. 1921 г.

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

ем «Декрета о Турецкой Армении» была дана команда о ликвидации Кавказского фронта, что позволило туркам продвигаться вглубь Армении, дойти до Баку, разгромить бакинскую коммуны и начать заниматься уничтожением беззащитных стариков, женщин и детей.

Особое отношение к Армении проявилось и тогда, когда московское руководство не только поддержало ноту Нариманова от 30 апреля 1920 года, но и через командование XI Красной армии стало угрожать Армении военным вмешательством, если она в течение трех дней не выведет свои войска с территории Зангезура, Карабаха и не позволит их оккупировать силами красноармейцев. В результате такого бесцеремонного вмешательства исконные армянские земли стали спорными территориями между Арменией и Азербайджаном. С весны и до поздней осени 1920 года шли интенсивные переговоры между Москвой, Анкарой, Ереваном и Баку относительно государственных границ Армении. Руководство Советской России преднамеренно затягивало эти переговоры до тех пор, пока Армения не потерпела поражения в конце ноября 1920 года.

К этому времени Ленин окончательно убедился в невозможности победы мировой революции при помощи пролетариата развитых капиталистических государств. Поэтому он обратил свои воз-

ры на Восток. «Англия, для которой вечным пугалом был призрак казачьей пики на вершинах Гималаев, — писали советские газеты в то время, — пусть увидит теперь эту историческую пику в руках русского пролетария-мусульманина, идущего на выручку Персии, Индии, Афганистана» («Архивы раскрывают тайны». Полит. Москва, 1991).

В «Деле заключенных офицеров Армянской армии» имеются документы, которые со всей очевидностью доказывают предательский характер политики тогдашнего командования XI Красной армии по отношению к офицерам вооруженных сил Армении. Среди этих документов особое место занимает прошение шестерых армянских офицеров в ГубЧК города Рязани.

«После советизации Армении, — пишут эти офицеры, — прибыл в Эривань Командарм XI К.А. т. Геккер и ... предложил командировать в штаб XI армии до 10 лиц комсостава Главштаба для изучения дела и возвращения в Армению, с целью инструктирования остальных лиц комсостава штаба.

Нарком по военным делам ССР Армении выбрал нас, 6 лиц комсостава Главштаба из членов наиболее трудоспособных и не служивших никогда в белых войсках Деникина, Колчака, Врангеля и др., не принимавших никогда участия ни активно-

го, ни пассивного в антибольшевистской борьбе, и командировал в город Баку, в штаб XI армии, снабдив нас всеми необходимыми документами за подписью наркомвоендела Ависа Нуридджаняна и комиссара РСФСР при Командарме ССР Армении тов. Силина.

Выехали из Эривани 14 декабря 1920 года и прибыли в Баку 21 декабря, где в тот же день явились в штаб XI армии. В штабе в первый день к нам отнеслись очень вежливо, как к командированным лицам из дружественной и союзной державы, ... а на следующий день нас пригласили в штаб и отправили в особый отдел штаба армии. Здесь, после заполнения анкетных листков и допроса следователя, нас заключили под стражу, как нам заявили, на время фильтрации...

1 января 1921 года нас отвезли на вокзал, где комендант особого отдела заявил, что нас отправляют в распоряжение особого отдела Рязанского губернского комитета для назначения по специальности в частях Красной армии. 17 января 1921 года мы прибыли в город Рязань, где нас заключили в концентрационный лагерь принудительных работ, где нас, по-видимому, относят к категории военнопленных.

Поэтому считаем своим долгом довести до вашего сведения, что мы никогда не служили в белых войсках Деникина,

Колчака, Врангеля и других, а служили в штабах армии Армении, никакого участия, не только активного, но и пассивного, в антибольшевистской борьбе не принимали, а после советизации Армении, мы остались добровольно служить в Красной армии Армении. Нас командировали в Баку.

Просим наше дело отправить в Москву на предмет освобождения и возвращения в Красную армию Армении.»

Прошение подписали: полковник Атаев Петр Петрович, капитан Тониев-Тонян Ашот Николаевич, штабс-капитан Мусаелян Гарегин Александрович, поручик Тер-Никогосян Гарегин Михайлович, поручик Тер-Караханов Вардан Арсенович, и подпоручик Хачатрян Срафион Седракович. Все эти люди — известные офицеры, и не только в военных кругах Армении. В «Деле...» имеются личные документы полковника Атаева, бывшего родом из Елизаветполя (Гянджа), ему 47 лет. И вот что интересно: среди его документов находится и отрицательная характеристика ЧК особого отдела XI Красной армии, где он объявляется «...по отношению к Советской власти элементом враждебным и неблагонадежным, поэтому нахожу необходимым заключить в концентрационный лагерь» г. Рязань. Отбрасывая оружие, деньги и пр. конфиско-

вать». Голословное обвинение без каких-либо фактов, документов, а, значит, и доказательств.

В деле Атаева имеется еще один документ — правительственная телеграмма следующего содержания: «РЯЗАНЬ. КОМИССАРУ КОНЦЕНТРАЦИОННОГО ЛАГЕРЯ. 17. ФЕВРАЛЯ 1921. N 2994 = ВСЕ СРОЧНО СООБЩИТЕ ОТДЕЛ ВОСТОКА НАРКОМИНДЕЛА НАХОДИТСЯ ЛИ В ЛАГЕРЕ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ ОСУЖДЕННЫЙ НР 297/2 = ЗАМНАРКОМА КАРАХАН»

Ответная телеграмма сообщала: «ОТДЕЛ ВОСТОКА НАРКОМИНДЕЛА = НА ВАШУ ТЕЛЕГРАММУ ЗА N 2994 СООБЩАЮ, ЧТО АТАЕВ ПЕТР ПЕТРОВИЧ НАХОДИТСЯ В ЗАКЛЮЧЕНИИ В ВВЕРЕННОМ МНЕ ЛАГЕРЕ. ОСУЖДЕН ОСОБЫМ ОТДЕЛОМ XI АРМИИ КАК НЕБЛАГОНАДЕЖНОЕ НАМ ЛИЦО. НАЧЛАГЕРЯ».

Подобным образом были сфабрикованы дела и на всех других армянских офицеров. Одних обманывали в Ереване, других — в Баку, третьих — в Тбилиси.

Массовая высылка армянских офицеров началась 24 января 1921 года. По распоряжению ЧК и военных властей Красной армии в этот день все офицеры старой армии были приглашены на сбор-

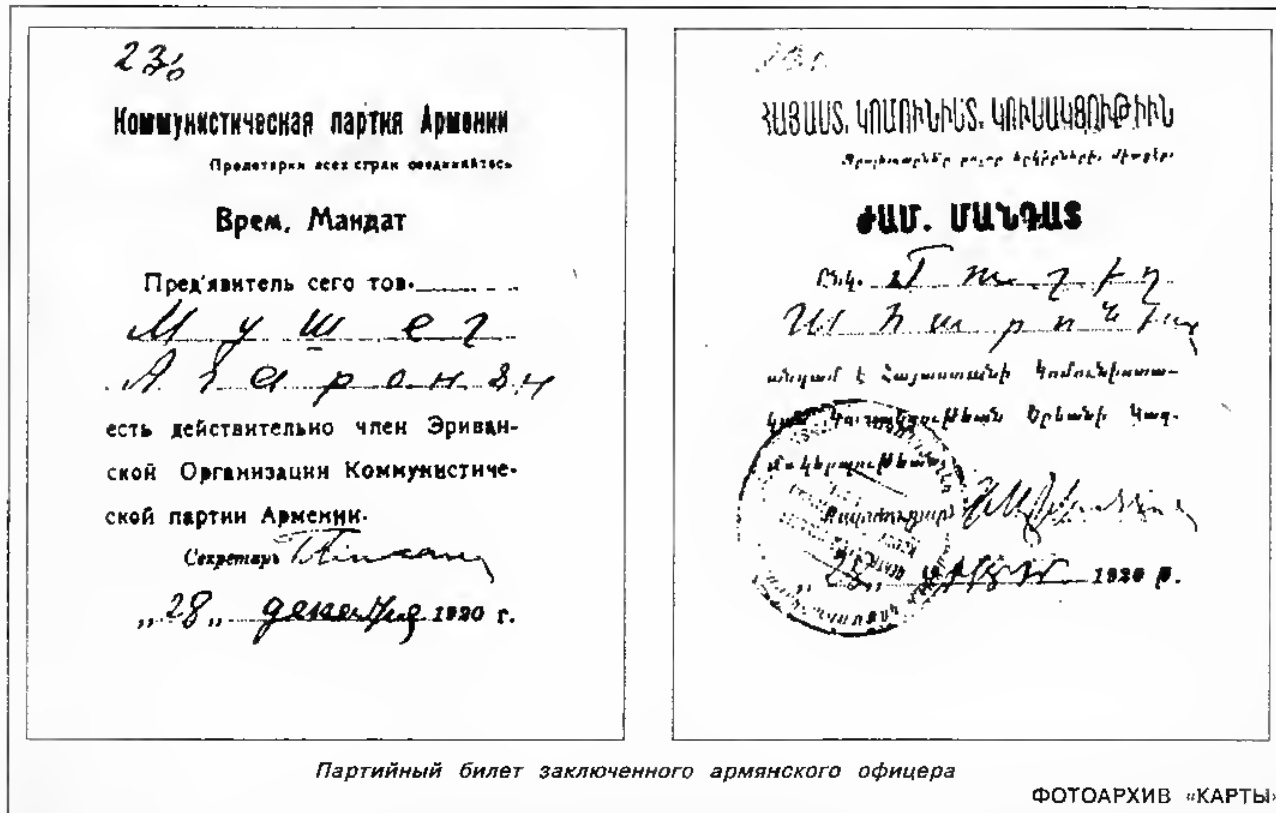
ные пункты для «повторной регистрации».

«Мы полагали, — пишут в своем прошении на имя начальника рязанского лагеря офицеры Грант Асланов и Гурген Газарян, — что это обычные сборы. Но на месте нам объяснили, что мы должны срочно, прямо с места сбора, выехать в Баку для продолжения дальнейшей службы в составе XI Красной армии. Так как железная дорога все еще находилась в руках турецких оккупантов, мы должны были отправиться пешком, через Севанский перевал до Агстафы. Оттуда поездом в Баку».

Никто не ожидал этой высылки. Обстановка в стране, в особенности на границах оккупированных турками территорий, была весьма тревожной и неясной. Разбойничьи банды турок нередко переходили границу, нападали на армянские населенные пункты с целью грабежа, насилия... Каждый армянский офицер полагал, что его место здесь, что он еще встанет в ряды защитников родины. Поэтому на сборные пункты офицеры явились спокойно, в обычной городской одежде, не приспособленной для похода в зимнюю стужу через снежный Севанский перевал. За доверчивость и недалекость они заплатились основательно: им не разрешили даже пови-

Главное управление принудительных работ	
РЕГИСТРАЦИОННАЯ КАРТОЧКА	
В-ПЛЕННОГО ГРАЖДА ВОЙНЫ № 6688	
<i>Грозев</i>	
1. Фамилия	<i>Грозев</i>
2. Имя, отчество	<i>Руден Аветович</i>
3. Чин (звание)	<i>генерал-майор</i>
4. Военная часть при воен. мин.	<i>при воен. мин.</i>
5. Армии госуд.	<i>Армянские</i>
6. Подданство	<i>Русское</i>
7. Национальность	<i>Армянские</i>
8. Возраст или год рождения	<i>65</i>
9. Образование	<i>общее и специальное</i>
10. Профессия и специальность	<i>инженер</i>
11. Место и время пленения	<i>при фр. войсках</i>
12. Адрес на родине	<i>Грозев Михаил</i>
Подпись в-пленного <i>Грозев</i>	
13. Откуда поступил
14. Когда	<i>1921</i> г при документе № от 192 г.
15. За кем числится
16. За что осужден если есть приговор
17. На какой срок 192 г. по 192 г.
18. Отметка о поведении
19. ВРЕМЕННО:	
Выб.	192 г. Возвр. 192 г.
Выб.	192 г. Возвр. 192 г.
Выб.	192 г. Возвр. 192 г.
20. Окончательно выбыл	192 г.
21. Примечание	куда, по какому документу
Подпись коменданта лагеря <i>Грозев</i> дня 192 г.	

Карточка учета заключенного рязанского концлагеря. 1921-22 гг.

Партийный билет заключенного армянского офицера

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

дать родных, взять что-либо с собой в дорогу.

«В числе высланных были и коммунисты с партийными билетами, — пишет нарком Бекзадян в своем письме, — спецы, работавшие в советских учреждениях (инженеры, техники, экономисты и другие, в которых так нуждалась Красная армия). Казначеем не была дана возможность сдать казенные суммы, должностным лицам сдать свои дела и должности, офицерам, жены которых в это время находились не в Эривани, поручить кому-то своих детей».

Арестованных офицеров в дороге не кормили. Они питались, продавая свою одежду. В Баку их держали под стражей, впроголодь, в отвратительных условиях. В результате более 20 человек оказались в больнице. Капитан Егизаров Стефан Агаджанович в результате нервного шока ослеп, однако болезнь не освободила его от заключения в рязанский концлагерь.

Анализ документов показывает, что существующие в «Деле...» списки депортированных офицеров Армянской армии были составлены второпях, без надлежащей мотивации преследования этих лиц. Основные списки были составлены особым отделом XI Красной армии вместе с представителями ЧК и военных властей Армении 24, 25, 29, 30 января и 2 февраля 1921 года. В сопроводительном документе к списку от 24 января сказано, что в Баку отправляются 248 человек. Но там оказалось 255 человек, т.е. на 7 человек больше, не считая того, что около 20 человек из этой партии заболели и были помещены в местные больницы. Так от-

куда же взялись эти лишние люди? Документы показывают, что списки пополнялись за счет тех раненых офицеров, которые после госпиталей получили документы об инвалидности и вернулись домой. Чекисты ловили их на улицах города Баку. «Лечили» инвалидов в рязанском концлагере.

Весьма своеобразна и общая характеристика отправленных в Баку списков армянских офицеров. В первом документе — от 24 января 1921 года — речь идет о списке бывших офицеров, которые зарегистрировались в здании Вагаршапатского гарнизонного клуба, согласно приказа Предчека Армении за номером 3. Второй документ от 25 января 1921 года называется так: «Именной список арестованных деникинцев». В третьем сказано: «Список бывших офицеров, подлежащих отправке в Россию». На четвертом написано от руки на простой бумаге: «Список 4-й партии — 22 человека. От 2 февраля 1921 года». В этот список включены в основном генералы и полковники.

Эти, составленные в Армении, списки сопровождалась другими документами, в которых фальсификация доходила до самых крайних пределов. Так, в своем рапорте на имя начальника особого отдела XI Красной армии уполномоченный ЧК Армении Хачатрян писал: «1921 года 4 февраля прибыл из Эривани в Баку в качестве сопровождающего арестованных офицеров дашнакского правительства. Арестованные офицеры в количестве 265 человек. Список принят на сборном пункте военнопленных г. Баку, а документы и переписка лично мною

сданы в Особый отдел XI армии...». Здесь же расписка такого содержания: «Политотдел XI армии подтверждает получение пакетов из ЧК Армении... и пакет с перепиской для приобщения к делу деникинцев...». Представляют интерес еще два документа. Первый из них на бланке Чрезвычайной Комиссии ССР Армении N 957 под грифом «секретно». «Особый отдел XI армии. Баку. Препровождаем при сем список деникинских офицеров в одном экземпляре количеством 73 человека... число офицеров 67 — шесть человек больных осталось...». Отметим, что по регистрационным лагерным карточкам офицеры этого списка не значатся деникинскими офицерами. Второй документ на таком же бланке: «Препровождаем при сем список дашнакских офицеров в одном экземпляре количеством 102 человека...» На самом деле лишь несколько человек из этого списка принадлежали к дашнакской партии.

В «Соглашении между Полпредом РСФСР и правительством Республики Армения» от 2 декабря 1920 года специально (пункт 7) было сказано, что «Российское Советское правительство принимает меры к немедленному сосредоточению военных сил, необходимых для защиты независимости ССР Армении» (журнал «Литературная Армения» N 1, 1990 г., стр. 70). В то время Армения очень нуждалась в защите независимости, в особенности в укреплении своих государственных границ, прежде всего от продолжавшейся агрессии кемалистской Турции. Пользуясь отсутствием мирного договора, турецкие оккупанты

все еще находились на значительной части территории Армении, они блокировали единственную железную дорогу, создавая тем самым осадное положение для всей республики.

Понятно, что защита независимости Армении означала прежде всего укрепление ее вооруженных сил. Но можно ли ставить вопрос об укреплении независимости, если в и без того малочисленной армянской армии сразу, одним ударом, выводится из строя 1400 офицеров? Из четырех основных списков «Дела...» видно, что вооруженным силам Армении нанесен непоправимый, страшный урон. Достаточно отметить, что из первого пехотного полка второй бригады Эчмиадзинского гарнизона были арестованы 40 офицеров во главе с полковником Сырмакешовым, из второго полка арестованы 38 офицеров вместе с подполковником Затикианом, из третьего — 20 офицеров, из четвертого — 24 во главе с подполковником Нестеровским и т.д. Могла ли эта карательная акция способствовать укреплению независимости Армении и ее вооруженных сил?

В четырех основных списках на 462 человека значатся фамилии 13 генералов и 15 полковников Армянской армии. Среди них имена Главнокомандующего вооруженными силами Республики генерала Товмаса (Фома) Назарбекова, генерал-лейтенанта К.М. Гамазова; генералов А.П. Бой-Мамиконяна, А.И. Гаджаева, Д.И. Андриевского, Р.А. Базаева, Ю.Ф. Бржезинского, И.И. Васильева, А.А. Иванова, В.М. Хорманского, Н.Г. Павловского, И.С. Баграмова, Г.А. Шелковникова; полковников М.С. Мелик-Агамалова, братьев Бабаджановых, А.К. Меликова, М.О. Мелик-Шахназарова, С.И. Таманова, С.В. Степаняна, А.С. Папунц, В.А. Апрезова, А.П. Затикиана, К.А. Мелик-Парсаданяна, А.Г. Тер-Нерсисова и других.

Все эти генералы, полковники, а также абсолютное большинство арестованных армянских офицеров были фронтовиками. Они прошли сквозь бурю и огонь первой мировой войны, по счастливой случайности остались живыми, хотя и с искалеченными телами и судьбами. Некоторые из них сражались на баррикадах Бакинской коммуны, а после ее поражения через Ленкорань и Иран, Владикавказ и Грузию торопились на территорию Армении, чтобы защитить ее границы от захватчиков. А теперь в неотапливаемых арестантских вагонах, в суровые февральские дни их везут из Баку через Ростов, Харьков, Воронеж в концентрационный лагерь города Рязани.

Но они оказались счастливее многих своих соотечественников. Пока этот обычный, тихоходный, почтово-багажный поезд тащился по холодным российским просторам, в столице советской Армении разворачивалась трагедия, которую можно сравнить только с варварскими деяниями младотурков. Уже в конце января 1921 года ереванские тюрьмы были переполнены арестованными представителями правящих партий и вооружен-

ных сил республики. В качестве заложников были схвачены видные партийные и государственные деятели: А. Оганджян, А. Саакян, О. Качазнуни, Л. Шант, Н. Агабабян, А. Чилингарян, В. Шиханян и другие. Только за одну февральскую ночь в тюремных застенках города было зверски уничтожено более 50 человек, в том числе полководец Амазасп, храбрый и обаятельный полковник Горганян, легендарные фиданьи Серго, Македон, Григор и другие. В это же время в одной из камер ереванской тюрьмы заключенные решили забаррикадировать двери, чтобы чекисты-убийцы не смогли проникнуть к ним. Но те стали стрелять в оконные камеры из пулемета и стреляли до тех пор, пока все заключенные не были уничтожены.

Вообще советизация на каждом клочке земли огромной страны сопровождалась насилием и обманом. Но мало в каком из районов она проводилась с такой жестокостью, как это было в Армении. Имеющиеся в «Деле...» документы показывают, что за представителями армянской интеллигенции и вооруженных сил чекисты охотились не только на территории Армении и Азербайджана, но и в городах Грузии. Буквально через несколько дней после советизации Грузии, с 27 февраля 1921 года, в Тифлисе начались аресты армянских офицеров и дашнаков. За 10-15 дней на территории Грузии были арестованы 219 человек. Вскоре эта партия заключенных через Баку была отправлена в концентрационный лагерь в Рязани.

Представляет особый интерес судьба одного из бывших офицеров — Леона Алксеевича Арутюнова. В выписке из постановления особого отдела XI Красной армии сказано, что «Арутюнов Леон Аркадьевич (Алксеевич), 24 года, подручник, сын священника... В апреле 1918 года поступил добровольно в Красную армию и служил в 3-м красном б-оне до половины сентября. С приходом в Баку турок вместе с другими бежал в Энзели и пробыл там до декабря 1918 года, затем вернулся в Баку... В июле 1919 года был мобилизован и назначен младшим офицером в Армянский полк, где и служил до марта 20 года, затем по ранению выбыл из строя... У белых не служил. В подавлении народных восстаний в Армении участия не принимал. Заявляет себя сочувствующим трудовому народу. Особых подозрений не внушает». Казалось бы, все понятно. Тем не менее, Л.А. Арутюнов был отправлен в Рязань «для окончательной и тщательной фильтрации». Все это очень в духе чиновников советского типа. Какое имеет значение для особого отдела XI Красной армии, тот факт, что Леон Арутюнов — честный человек, патриот Армении. К тому же, смертельно больной — у него туберкулез. Тем не менее, его арестовали, но тут же вынуждены были поместить в тюремную больницу города Тифлиса. Через несколько дней с температурой 38 градусов он был отправлен в Рязань. По пути ему стало очень плохо, поэтому он был оставлен в бакинском лазарете.

Лишь в конце мая Арутюнов добрался этапом до Рязани, чтобы тут же вновь оказаться на больничной койке.

Такова еще одна страница предательского равнодушия и безразличия к судьбе человека. Имеющиеся в «Деле заключенных офицеров Армянской армии» документы, а также известные теперь другие многочисленные факты, в своей совокупности показывают, что большевистское руководство старалось с корнями вырвать дух самостоятельного национального сознания, идею независимости, свободолюбия. Непосредственный массовый террор против армянской интеллигенции большевики сочетали с политической ограничением, ущемлением прав и потребностей всего армянского народа и его государственности. Зловещая политика 37 года началась в Армении буквально с первых же часов ее советизации.

За одну ночь 24 апреля 1915 года в Стамбуле был арестован а затем уничтожен цвет армянской нации — более 500 представителей интеллигенции. А за 6 дней января 1921 года в самой советской Армении были арестованы 1400 офицеров, более 300 членов дашнакской партии. Около 90 процентов арестованных были молодыми людьми 22-35 лет. Им бы создать свои семьи, осчастливить своих жен, иметь детей. Ведь демографическое положение Армении было прямо-таки катастрофическим. Как отмечала газета «Правда» от 25 ноября 1945 года, в 1920-1921 годах на 1000 человек населения Армении рождалось 8,7 а умирало 204,2 человека, т.е. убило населения составляла 195,5 человек на 1000 душ.

В «Деле заключенных офицеров Армянской армии» наряду с большими списками имеются так называемые стандартные списки особого отдела XI Красной армии от 30 января 1921 года с обязательной надписью: «Концентрационный лагерь гор. Рязань для тщательной фильтрации. При сем сопровождаются следующие арестованные конвоиром особого отдела XI армии».

В духе революционной бдительности на заключенных армянских офицеров были составлены лагерные карточки, для оформления которых имелись готовые стандартные бланки двух типов, хотя они почти идентичны. Первый принадлежал управлению принудительных работ. На нем стоял штамп: «Регистрационная карточка военнопленного гражданской войны». В этом бланке содержался 21 вопрос. Например, в регистрационной карточке за N 6688 на имя генерал-майора Бозаева Рубена Аветовича были отмечены: фамилия, имя, отчество, чин (звание), военная часть (в данном случае «При военном министерстве Республики Армения»), армия государства (Армянского), подданство (русское), национальность (армянин), возраст или год рождения (65 лет), образование (гимназия, 2 воен. уч., академия), место и время пленения (Эривань), профессия и специальность (артиллерист), адрес (Тифлис, ул. Михайловская, 80). В конце

страницы — подпись генерала. В скобках заключены его ответы. На обратной стороне бланка из девяти пунктов заполнен только один — время поступления в лагерь Рязани (10 марта 1921 года). Аналогичным образом заполнена и регистрационная карточка генерал-майора ереванца Бржезинского Юлиана Францевича. Несколько фактов биографического характера, без единого слова о том, за что эти пожилые люди должны были оказаться в концентрационном лагере. Военнопленные — и делу конец. Но этим двум генералам повезло значительно больше, если иметь в виду, что на других генералов такие карточки вообще не были заведены.

Более содержательным оказался бланк второго типа, точнее форма номер 1 отдела принудительных работ Наркомвнутдел. На таких бланках 26 вопросов. От первого типа данный бланк отличается тем, что дает более широкую информацию о заключенном. Например, регистрационная карточка за номером 6593 разряда 5/28 на имя прапорщика Оганянца Мушега Карапетовича показывает не только его возраст (23 года), национальность, социальное происхождение (из крестьян Нахичеванского уезда Эриванской губернии) и т.д., но и такой трагический факт его биографии: при отступлении из города Карс его молодая жена попала в плен к туркам.

У создателей дел заключенных офицеров Армянской армии концы явно не сходятся с концами. В «Деле...» имеются более 300 выписок из постановлений особого отдела XI Красной армии. Все они подписаны 30 января 1921 года. Выходит, что в течение одного рабочего дня каждый из следователей допрашивал более 50 человек, т.е. с каждым офицером беседовали 5-7 минут и на основании нескольких стандартных вопросов определяли политическую линию и степень виновности задержанного. Но возможно ли такое? По всей вероятности вопрос был решен давно, приговор был подготовлен заранее. Ты виновен, потому что ты жил при дашнаках. Такой упрощенный подход позволял следователям особого отдела реализовывать решения Съезда Народов Востока об отношении «пролетариев-мусульман» (точнее, младотурок, кемалистов, муссаватистов, большевиков) к Армении и ее народу. Поэтому следователи игнорировали представленные офицерами документы, в том числе и партийные билеты коммунистов. Материалы дела показывают, что бакинские следователи имели весьма упрощенные представления об антисоветской деятельности. В качестве основания для обвинения они брали только один признак: раз данный человек был офицером русской армии, следовательно, он «белая». Раз он был вооруженных силах Республики Армения, значит он дашнак, т.е. контрреволюционер. А ведь в 1920 году в рядах дашнакской партии состояло всего 4000 членов. Так обстояло дело в действительности. Но это не помешало чекистам в конце 30-х годов на территории

Армении найти и арестовать более 9000 «активных членов» дашнакской партии.

Вооруженные силы Республики Армения — это не дашнакская армия, хотя в них и имелись отдельные представители этой партии. Кроме того, никто из чекистов особого отдела XI Красной армии не знал, или «не знал», что партия дашнакцуют относится к социалистическому типу политических организаций, что она входила в состав Второго Интернационала.

Не имея даже физической возможности побеседовать в течение одного рабочего дня с каждым из задержанных офицеров, следователи пошли на открытую фальсификацию. Каждый из них беседовал с одним офицером, но выносил постановление относительно целой группы. Вот один из примеров. «Выписка из постановления. 1921 года, января 30 дня, мы, военные следователи особого отдела...проверяли личность и действительность и установили: Оганянец Мушек Карапетович — 32 года, образование — окончил учительскую семинарию в 1918 году, в том же году был мобилизован и отправлен в Тифлисскую школу прапорщиков, которую окончил 18 декабря 1919 года. После окончания заболел и остался в Тифлисе у родителей... Затем женился и уехал в Карс. Там был мобилизован армянскими войсками и назначен в Карский караульный б-он на должность младшего офицера. Остался по день сдачи Карса... Затем переехал в Эривань. В своем полку оставался по день прихода красных в Армению. ПОСТАНОВИЛИ: всех перечисленных 4 человек офицеров Армянской армии отправить в Рязань для окончательной и тщательной фильтрации. Военные следователи. Подпись: «Согласен». Подпись. Резолюция нач. О.О. XI армии «Утверждается». 30.1.21 г. Панкратов, Выписка верна: делопроизводитель».

Так откуда же взялись офицеры, фамилии которых вообще не значатся в выписке из постановления? Это не единственный пример такого предвзятого подхода к делу. Лишь бы выполнить план, отправить и избавиться от их присутствия, а там, в рязанском концлагере разберутся, кто враг, а кто друг.

В «Деле...», между тем, имеются, во-первых, многочисленные положительные характеристики на армянских офицеров, полученные от различных организаций, в том числе и коммунистических, или отдельных должностных лиц. Во-вторых, ходатайства официальных лиц или организаций об освобождении или облегчении участи заключенных. Кроме телеграммы Замнаркоминдел Карахана в «Деле...» имеется также и письмо Замнаркома юстиции РСФСР следующего содержания: «В Рязанский концентрационный лагерь военнопленных, г. Рязань. Народный комиссариат юстиции просит не отказать в сообщении, возможно ли облегчение положения или освобождение содержащегося в концентрационном лагере военнопленных товарища Авакова Даниела». Подпись: замнаркомюста. С левой стороны письма на поло-

женном месте штамп: «Наркомат Юстиции. Апрель 1921 года. N 3539».

Член Реввоенсовета Комфронта Мирзоян в своих письмах на именном бланке, адресованных Военкомму XI армии Малышеву, ходатайствует о своем школьном друге, прапорщике, участнике многодневных боев против турок Мовсисянце Левоне Ефремовиче. Он пишет: «тов. Малышеву. Прошу выслушать Мовсисянца, хорошего моего школьного друга, за которого я ручаюсь, выяснить его положение. Если возможно, прямо передать в штаб... С комприветом Мирзоян». Во втором письме Мирзоян добавляет и рекомендую как безусловного сторонника Советской власти. Подпись: «Член РКП N 1137». В начале марта 1921 года Мирзоян назначается военным комиссаром Бакинского уезда Бакинской губернии, а 13 марта он уже пишет ругательство о благонадежности другого офицера, законноного Панарджяна Арутюна Николаевича.

В «Деле...» имеется и ходатайство общего собрания Красного Учкомнара города Дилиджана, а также от Нижнечамбаракской коммючейки об освобождении штабс-капитана Согумоняна. 15 апреля 1921 года Ревком г. Петровска (ныне Махачкала) ходатайствовал об освобождении Георгия Тарасовича Сагателова. Имеются многочисленные ходатайства и за других офицеров Армянской армии.

Регистрация заключенных армянских офицеров в концентрационном лагере города Рязани происходила поэтапно, по мере их прибытия. Наибольшее количество поступило 23 февраля, 10 марта и 14 апреля 1921 года. Кроме того, в лагере находились еще 16 человек армянской национальности, служивших в армиях Деникина, Колчака. Двое из них — Павел Джиглоганян и Арам Тер-Григорян совершили успешный побег.

Остается ответить еще на многие вопросы. Во-первых, как сложилась жизнь армянских офицеров в лагере? Чем они занимались? Какой был у них рацион питания? Ведь впереди был самый ужасный, самый длинный голодный год Советской России. Во-вторых, что стало с моими дорогими соотечественниками? Сколько их осталось лежать навечно вдали от родных мест на рязанской земле? Как долго они носили ярлык «врага народа» и какие новые беды оказались на их пути в конце тридцатых годов, в суровые дни Великой Отечественной войны, в послевоенных водоворотх социалистического эксперимента в нашей стране?

Рязань

Публикация подготовлена по материалам Государственного архива Рязанской области (ГАРО). ФОНД Р-2817. ОПИСЬ N1. ДЕЛА: 194, 195, 196, 197, 198.

Автор приносит глубокую благодарность Директору ГАРО Т. СИНЕЛЬНИКОВОЙ, заместителю директора Е. МЕЛЬНИКУ, сотрудникам читального зала архива за большую помощь в работе с источниками.

Автор сердечно благодарит спонсора исследования Е. Пискун, который оплатил изготовление копий архивных материалов.

ДЕЛО N 207 ОСОБОГО ОТДЕЛА ПРИ РЕВВОЕНСОВЕТЕ XI АРМИИ

по обв. армянских офицеров
в количестве 248 человек 6.11.1921. 4.11.21г. из
Эривани в Баку прибыли 265 человек.
Уп. Чека Армении Хачатурян
(между 7853-6567) с. 1, 2, 3, 4, 5, 6

ИМЕННОЙ СПИСОК арестованных Деннкинцев

1. Бей-Мамиконян Александр Павл.	Генер.майор
2. Михайлов Александр Петрович	Поручик
3. Гаджаев Александр Иванович	Генер.майор
4. Муратов Дмитрий Филиппович	Прапорщик
5. Иванов Владимир Степанович	Полковник
6. Якупоня Николай Юманович	Штабс-капитан
7. Нолькен Борис Бернгандович	Поручик
8. Андриевский Дмитрий Иванов.	Ген.майор
9. Ильенко Владимир Александр.	Полковник
10. Шишов Николай Алексеевич	Полковник
11. Асмоянц Теодор Иванович	Поручик
12. Мелик-Агамалов Матвей Спиридон.	Полковник
13. Кусиков Александр Петрович	Поручик
14. Караогланов Алекс-др Мих.	Подпоручик
15. Диланян Анушаван Степанович	Поручик
16. Фанарджян Георгий Артемьевич	Прапорщик
17. Персов Иван Павлович	Прапорщик
18. Касабабян Хачатур Семенович	Подпоручик
19. Герасименко Федор Евстафиев.	Капитан
20. Бдайциев Теймур Булатович	Капитан
21. Твордек Иван Францевич	Прапорщик
22. Хосровиане Георгий Сергеевич	Подполковник
23. Сагателян Ваган Иадваганов.	Подпоручик
24. Ульянов Леонид Николаевич	Поручик
25. Агасарян Мкртыч Алекс-дров.	Поручик
26. Макинский Алихан	Подпоручик
27. Мелик-Парсаданов Ник. Ал-др.	Подполковник
28. Авитисян Карп. Аветович	Прапорщик
29. Вержбицкий Михаил Иванович	Подпоручик
30. Егиазаров Баграт Никитович	Подпоручик
31. Маилов Арам Джангирович	Подпоручик
32. Саградьян Николай Саядович	Прапорщик
33. Сулханов Александр	Прапорщик
34. Бабаджанов Арташес Иванович	Полковник
35. Сагателян Лукас Тарасович	Чин. воен. вр.
36. Бабаджанов Алекс-др Иванович.	Полковник
37. Суляян Арташес Захарович	Чин. воен. вр.
38. Тер-Акопов Согомон. Мартир.	Подпоручик
39. Гюль-Азизов Самсон Христофор.	Подполковник
40. Шергилов Сергей Александров.	Подполковник
41. Тернерсесов Арушан Григор.	Подполковник
42. Погосян Семен Аванесович	Прапорщик
43. Вартанян Левон Арсенович	Чин. воен. врем.
44. Торосов Рубен Авакович	Поручик
45. Берберьян Тигран Исаевич	Поручик
46. Манасян Хачатур Сергеевич	Подпоручик
47. Гафинян Петр Яковлевич	Прапорщик
48. Нариманов Евгений Давидович	Поручик
49. Григорян Сергей Александрович	Прапорщик
50. Гасанджалалов Мкртыч Арупон.	Поручик
51. Мурузов Мкртыч Аванесович	Подпоручик
52. Бабасв Михаил Семенович	Подпоручик
53. Тер-Мартиросян Арменак	Поручик
54. Погосов Абгар Данилович	Чин. воен. вр.
55. Кондратьев Васил. Константин.	Подполковник
56. Внакян Николай Константинович	Хорунжий
57. Хачатуров Алекс-др Минасович	Поручик
58. Векилов Герасим Давидович	Надворн. Совет.
59. Осипов Авак Макарович	Прапорщик
60. Амбарданов Георгий Семенович	Подполковник
61. Понунцев Семен Григорьевич	Капитан
62. Какоянц Геворк Амбарцумович	Подпоручик

63. Назаров Георгий Тарасович	Писарь
64. Тер-Осипян Иосиф Матвеевич	Подпоручик
65. Поппелль Михаил Тимофеевич	Доктор
66. Пирумов Леон Аганесович	Подпоручик
67. Багатуров Артемий Николаевич	Поручик
68. Бабаян Григорий Хосроевич	Поручик
69. Тер-Вартанов Овсен Ефремович	Прапорщик
70. Аганян Сергей Манукович	Прапорщик
71. Ширакян Арам Маркарович	Прапорщик
72. Арутюнян Погос Матвеевич	
73. Оганесян Епрем Ерманович	
- Предчека Армении С.Мо.
Зарегистровано-статистической частью
В. Хачурия.
Зав.секретно-оперативным отделом

ДЕЛО N 207 стр.67,с.6 НАЧ. ОСОБОГО ОТДЕЛА XI АРМИИ

"При сем препровождается список дашнакских офицеров количеством 102 человека совместно с ними" 1.01.21 г. Док. N 958

Председатель Чека ССР Армении (подпись)
С. С. Р. А. Политбюро Эчмиадзинского уезда

СПИСОК бывш. офицеров, которые зарегистрировались в здании Вагаршапатского гарнизонного клуба, согласно приказа Предчека Армении за N 3. "24" января 1921 г.

1. Степан Степанян	подполковник
2. Григорий Демирчоглян	шт. капитан
3. Арменак Гулянц	шт. капитан
4. Сетрак Туманянц	шт. капитан
5. Исаак Сырмакешов	полковник
6. Георгий Григорян	шт. капитан
7. Габриель Айрапетян	подпоручик
8. Гарегин Каракедов	шт. капитан
9. Арменак Корганов	подпоручик
10. Татло Шах-Мурадов	капитан
11. Мартирос Кунджулян	подпоручик
12. Погос Ванециан	прапорщик
13. Оганес Тер-Понесян	подпоручик
14. Оганес Бек-Назаров	прапорщик
15. Анушеван Агабабян	прапорщик
16. Арамаис Симонян	прапорщик
17. Аркадий Джарешиелян	поручик
18. Тигран Оганджанов	шт. капитан
19. Амбарцум Мазманян	прапорщик
20. Моисей Тер-Оганесов	штабс-капитан
21. Каралет Дагабян	штабс-капитан
22. Леон Машукян	прапорщик
23. Леон Мосесянц	поручик
24. Египше Гулянц	Поручик
25. Аветик Гаспарьян	Шт. Капитан
26. Нерсес Меликов	Поручик
27. Иосиф Маркаров	Подпоручик
28. Анушеван Выкилов	Подпоручик
29. Григорий Мархарьянц	
30. Петр Сулернак	подпоручик
31. Баграт Гукасов	прапорщик
32. Арташес Цыблов	штабс-капитан
33. Рубен Джагитов	поручик
34. Арменак Брутян	поручик
35. Павел Пашнани	подпоручик
36. Арам Мелик-Саркисянц	прапорщик
37. Сурен Барсегаянц	поручик
38. Ваграм Хубларов	поручик
39. Герасим Чичан	подпоручик
40. Александр Алголов	подпоручик
41. Дмитрий Несторовский	подполковник

42. Аршавир Папуноц
43. Георгий Дондуров
44. Михаил Зурабов
45. Аршак Тер-Карапетян
46. Алексей Степанов-Кузьмин
47. Арменак Сааков
48. Матевос Погосов
49. Зиновий Месропянц
50. Саркис Тер-Симонян
51. Карапет Аветисянц
52. Оганес Асагулянц
53. Рубен Боярчев
54. Гарегин Карапетянц
55. Арам Айвазян
56. Борис Виноградов
57. Вартан Далабаян
58. Арупон Пинаджанц
59. Нерсес Тер-Енисянц
60. Яков Симонгулянц
61. Павел Иванов-Баркарахан
62. Витольд Пилецкий
63. Владимир Мелик-Еганов
64. Арам Саакянц
65. Петрос Тер-Петросянц
66. Айрапет Марданян
67. Хорен Ишдханов
68. Леон Ишдханов
69. Иван Алхазов
70. Давид Индоянц
71. Грация Арабаджянц
72. Анатолий Янышев
73. Грация Лисициянц
74. Сергей Шавердов
75. Георгий Малиянц
76. Петрос Петросянц
77. Григорий Хуцасев
78. Тигран Геворков
79. Иван Юзбашев
80. Карапет Бухарцев
81. Акоп Восканьян
82. Тигран Тер-Саакянц
83. Гарник Казарян
84. Антон Тольх
85. Карапет Саркисянц
86. Арташес Мушеган
87. Яков Чаталбашян
88. Вартан Гарибов
89. Рубен Джагарбекянц
90. Баграт Апрегов
91. Ашот Татальянц
92. Левон Абовян
93. Минас Алтунянц
94. Арупон Голтухиянц
95. Мкртыч Тер-Антонянц
96. Арупон Дабакян
97. Арсен Тер-Саркисянц
98. Оганес Шатворьянц
99. Степан Джугурьянц
100. Захарий Унанян
101. Айказ Тер-Вартаньян
102. Геворк Архипян

Предчека С. Мос...
Секретарь В. Сао...

ДЕЛО ЗАКЛЮЧЕННЫХ ОФИЦЕРОВ АРМЯНСКОЙ АРМИИ

Государственный архив Рязанской области (ГАРО).
ФР-2817, оп.1, дела 194, 195, 196, 197, 198.

1. Абалян Шаген Апрегович
2. Абалян Абгар Оганесович
3. Аванесов Асатур Арменакович
4. Аванесян Аванес Арамович
5. Агаронов Ерванд Никитьевич
6. Агоронян Мушек Манукович

- подполковник
штабс-капитан
капитан
подпоручик
поручик
штабс-капитан
прапорщик
прапорщик
подпоручик
поручик
подпоручик
поручик
подпоручик
штабс-капитан
прапорщик
поручик
прапорщик
прапорщик
штабс-капитан
подпоручик
поручик
поручик
штабс-капитан
подполковник
подпоручик
подпоручик
подпоручик
подпоручик
поручик
подпоручик
штабс-капитан
подпоручик
прапорщик
прапорщик
подпоручик
поручик
подпоручик
подпоручик
подпоручик
подпоручик
подпоручик
подполковник
штабс-капитан
полковник
поручик
подпоручик
подпоручик
подпоручик
подпоручик
подполковник
штабс-капитан
полковник
поручик
подпоручик
подпоручик
подпоручик
подпоручик
подпоручик
подпоручик
подполковник
штабс-капитан
полковник
прапорщик
прапорщик
подполковник
полковник
прапорщик
корнет
поручик
корнет
поручик
поручик
капитан
поручик
прапорщик
корнет
штабс-капитан
генерал-майор
капитан
подпоручик
подпоручик
поручик
прапорщик
поручик
капитан
поручик
поручик
поручик
подпоручик
корнет
поручик
штабс-капитан
штабс-капитан
прапорщик
подпоручик
прапорщик
капитан
поручик
капитан
прапорщик
поручик
капитан
прапорщик
поручик
капитан
прапорщик
поручик
капитан
прапорщик
корнет
писарь
генерал-майор
подполковник
поручик
штабс-капитан
поручик
подпоручик

7. Александров Иван Иосифович
8. Авагян Даниел Петрович
9. Апрегов Боград Иванович
10. Аракелян Ссмен Айкович
11. Арутюнов Леон Алексеевич
12. Арутюнянц Михаил Хачатурович
13. Арутюнян Левон Аркадьевич
14. Аракелян Арам Григорьевич
15. Анушанян Михаил Хачатуров
16. Аракелян Кегам Амбарцумович
17. Атаев Петр Петрович
18. Асланов Грант Павлович
19. Асланян Алексан Акупович
20. Ахназарян Сергей Сетраков
21. Абгаров Петр Сергеевич
22. Амиров Амир Арамович
23. Бабченко Николай Сергеевич
24. Базаев Рубен Австович
25. Бржизинский Юлиан Францевич
26. Бабалян Согомон Согомонович
27. Бабаджаниянц Александр Аветович
28. Бабаджаниян Александр Иванович
29. Багдасарян Багдасар Айрапет.
30. Багдасарян Нерсес Саакович
31. Балаянц Анушаван Никитович
32. Балаянц Арупон Степанович
33. Беклюр Михаил Тимофеевич
34. Бахчиев Михаил Александрович
35. Беляев Николай Петрович
36. Будаянц Мкртыч Григорьевич
37. Бутусов Владимир Николаевич
38. Бегларян Амазасп Петросович
39. Бегунц Амаяк Гарегинович
40. Григорян Мнацакан Данелович
41. Варжапетянц Арсен Александр.
42. Варжапетян Арменак Абгарович
43. Васильев Иван Иванович
44. Вермишев Авагум Богратович
45. Векилов Анушаван Сумбатович
46. Вердян Петрос Абкарович
47. Ванунц Беглар Симонович
48. Геронянц Матвей Георгович
49. Габриелянц Ашот Васильевич
50. Газарянц Борис Енокович
51. Гозалов Артемий Аветович
52. Гогианц Гурген Ефремович
53. Георгян Иосиф Мнацаканович
54. Горджиян Пайлак Суренович
55. Гукасян Ваган Сибатович
56. Долбанян Гайк Кириллович
57. Дандуров Багдасар Багдасар.
58. Данелянц Айрапет Алкарович
59. Демирчоглян Григорий Морис.
60. Дрогов Иван Иванович
61. Довлатов Айваз Арупонович
62. Дей-Караханов Вардан Арсен.
63. Дугиджиев Иосиф Лукьянович
64. Зайшев Василий Петрович
65. Захарбекян Аршак Петрович
66. Захаров Завен Иванович
67. Закурдяев Константин Петрович
68. Залумян Грант Аршакович
69. Еруханян Хачик Акопович
70. Егизаров Степан Агаджанович
71. Ерицян Качин Акупович
72. Епишев Василий Егорович
73. Ерокопян Хачик Абгарович
74. Ефремов Иван Иванович
75. Енгоян Торник Торгомович
76. Иванисов Иван Карпович
77. Иванов Андрей Афанасьевич
78. Иванов Иван Алексеевич
79. Игнатосян Александр Давыдович
80. Иерусалимский Григорий Иванов.
81. Иванов Иван Карлович
82. Каграманян Вартан Николаевич

- штабс-капитан
поручик
поручик
штабс-капитан
поручик
подпоручик
подпоручик
штабс-капитан
поручик
подпоручик
полковник
капитан
штабс-капитан
прапорщик
поручик
капитан
генерал-майор
генерал-майор
поручик
подполковник
полковник
прапорщик
корнет
поручик
корнет
поручик
поручик
капитан
поручик
поручик
прапорщик
прапорщик
генерал-майор
капитан
подпоручик
подпоручик
поручик
прапорщик
поручик
капитан
поручик
поручик
поручик
подпоручик
корнет
поручик
штабс-капитан
штабс-капитан
прапорщик
подпоручик
прапорщик
капитан
поручик
капитан
прапорщик
поручик
капитан
прапорщик
поручик
капитан
прапорщик
корнет
писарь
генерал-майор
подполковник
поручик
штабс-капитан
поручик
подпоручик

83. Катарян Сурен Арамович
 84. Казарян Гарник Вагаршакович
 85. Камбаров Селик Николаевич
 86. Карагезян Артем Александрович
 87. Карагезян Арташес Геворкович
 88. Кестнер Александр Иванович
 89. Киракосян Гурген Аршакович
 90. Кочарянц Самвел Сергеевич
 91. Кегамов Григорий Михайлович
 92. Кедров Николай Петрович
 93. Казарян Сурен Енокович
 94. Колиновский Александр Федор.
 95. Караханов Александр Александр.
 96. Котов Александр Давидович
 97. Котоян Александр Самсонович
 98. Корниенко Василий Петрович
 99. Козлов Александр Иванович
 100. Крещтов Александр Матвеевич
 101. Куракосян Гурген Аршакович
 102. Кургинян Гурген Алексеевич
 103. Лусинян Вардан Вашгенович
 104. Лазов Оганес Иванович
 105. Мальян Георгий Иванович
 106. Марксов Вазген Аршакович
 107. Манукян Карапет Аракевич
 108. Матюнин Михаил Сергеевич
 109. Мартиросян Карапет Авакович
 110. Мартиросян Вазген Гургенович
 111. Матинян Тигран Саркисович
 112. Мелвинцов Степан Григорьевич
 113. Меликян Михаил Степанович
 114. Минасян Сурен Николаевич
 115. Мусиян Гарегин Александрович
 116. Мелик-Каракозов Абрам Степан.
 117. Мелик-Караханов Арам Семенович
 118. Мелик-Шахназаров Рубен Конст.
 119. Мелик-Карапетянц Семен Мелик.
 120. Мелик-Цубарян Сели Меликсет.
 121. Мелик-Степанян Оганес Суренович
 122. Макарян Левон Дanelович
 123. Марксов Эгише Петросович
 124. Мавсесян Ашот Ефремович
 125. Мучаидзе Рубен Георгиевич
 126. Мершакчев Яков Янович
 127. Мещеряков Марк Тихонович
 128. Меликов Константин Александр.
 129. Мешков Тимофей Семенович
 130. Мириджанян Арам Мкртчевич
 131. Мергулян Христофор Абрамович
 132. Мидиян Рубен Манукович
 133. Налбандян Тигран Бекович
 134. Нарошников Андрей Алексеевич
 135. Навасардян Вазген Рубенович
 136. Наринян Сурен Анушаванович
 137. Никогосов Рубен Михайлович
 138. Оганянц Мушег Карапетович
 139. Оганов Матевос Цатваканович
 140. Оганезов Людвиг Хачикович
 141. Оганесян Матвей Петрович
 142. Огаджанян Рубен Карапетович
 143. Огаджанян Гурген Абрамович
 144. Осипов Сергей Богданович
 145. Осипянц Сумбат Григорьевич
 146. Панарджян Арутян Николаевич
 147. Парсаданов Иван Гарегинович
 148. Погосов Даниел Николаевич
 149. Попов Михаил Гаврилович
 150. Раздопов Иван Петрович
 151. Ростовов Рубен Павлович
 152. Рубель-Меликшак Павел Петр.
 153. Рубенян Вазген Погосович
 154. Саакянц Анушеван Семенович
 155. Сааков Леван Мартынович
 156. Слагинский Константин Франц.
 157. Сагумянц Вагаршак Григор.
 158. Соколов Леонид Петрович
- поручик
 поручик
 прапорщик
 поручик
 прапорщик
 поручик
 капитан
 поручик
 подполковник
 капитан
 поручик
 подполковник
 чин. воен. времени
 поручик
 поручик
 подпоручик
 поручик
 подпоручик
 поручик
 подпоручик
 поручик
 поручик
 прапорщик
 капитан
 поручик
 прапорщик
 капитан
 поручик
 чин. воен. времени
 штабс-капитан
 поручик
 штабс-капитан
 капитан
 поручик
 прапорщик
 прапорщик
 прапорщик
 поручик
 поручик
 полковник
 поручик
 подпоручик
 подпоручик
 подпоручик
 поручик
 штабс-капитан
 поручик
 подпоручик
 поручик
 прапорщик
 прапорщик
 прапорщик
 поручик
 подпоручик
 поручик
 прапорщик
 прапорщик
 прапорщик
 поручик
 поручик
 капитан
 поручик
 прапорщик
 прапорщик
 поручик
 поручик
 капитан
 поручик
 прапорщик
 штабс-капитан
 поручик
 прапорщик
 прапорщик
159. Сорокин Сергей Федорович
 160. Согратян Седрак Макичевич
 161. Сагателов Гукас Тарасович
 162. Саркисянц Рачия Борисович
 163. Саркисянц Ерванд Осипович
 164. Саркисян Ашот Гаспарович
 165. Саркисян Петрос Амаякович
 166. Саркисов Геворг Ованесович
167. Сарафонов Георгий Георгиевич
 168. Смирнов Николай Иванович
 169. Степанянц Степан Аветович
 170. Суренян Саркис Акопович
 171. Таманов Сергей Иванович
 172. Тамразян Рамзес Александр.
 173. Тер-Антонов Мкртыч Акупович
 174. Тер-Захарян Абрам Арамович
 175. Тер-Матеосян Арупон Андреевич
 176. Тер-Нерсесов Анушаван Григор.
 177. Тер-Никогосов Гарегин Макеевич
 178. Тер-Асатуров Тигран Багдасар.
 179. Тер-Никогосов Геворг Федор.
 180. Тер-Овсепян Иосиф Матвеевич
 181. Тер-Никогосян Ерванд Арамов.
 182. Тер-Погосов Врам Авагимович
 183. Тер-Захарян Рубен Саркисович
 184. Тер-Мартиросян Манас Асатур.
 185. Тер-Манасян Геворг Абгарович
 186. Тер-Меркесян Сергей Григор.
 187. Ткачев Филипп Иванович
 188. Тигранов Яков Сергеевич
 189. Троицкий Марк Петрович
 190. Тер-Никогосян Гарегин Михайл.
 191. Тониев-Тонян Ашот Николаевич
 192. Ужиев Хосров Иванович
 193. Улиханов Георгий Давыдович
 194. Фарашян Геворг Григорьевич
 195. Харазян Анушаван Кевонович
 196. Харченко Василий Иванович
 197. Хрусталева Олег Петрович
 198. Хачатрян Арам Оганесович
 199. Хачатрян Арутюн Арташесович
 200. Хачатрян Абгар Ашотович
 201. Хачатрян Срафион Седракович
 202. Хачатрян Сагател Седракович
 203. Цабалян Петр Михайлович
 204. Черкезов Сергей Борисович
 205. Шергилов Владимир Георгиевич
 206. Шахгельдян Амаяк Власович
 207. Шатворянц Арсен Хоренович
 208. Экузян Арутюн Мартиросович
 209. Эксян Аршак Крикорович
 210. Ягорянц Гарегин Карапетович
 211. Явурян Асатур Павлович
 212. Арамян Арсен Арменакович
- поручик
 прапорщик
 капитан
 штабс-капитан
 корнет
 врач
 поруч. (художник)
 штабс-капитан
 (композитор)
 поручик
 штабс-капитан
 полковник
 капитан (врач)
 полковник
 прапорщик
 поручик
 поручик
 поручик
 подполковник
 поручик
 подпоручик
 поручик
 техник-механик
 поручик
 штабс-капитан
 капитан
 прапорщик
 поручик
 поручик
 капитан
 корнет
 поручик
 штабс-капитан
 капитан
 поручик
 штабс-капитан
 поручик
 подпоручик
 поручик
 капитан
 поручик
 прапорщик
 прапорщик
 поручик
 подпоручик
 штабс-капитан
 поручик
 прапорщик
 поручик
 поручик
 прапорщик
 прапорщик
 корнет

Особый отдел XI армии. Дело N962
 от января 21г.

СПИСОК
бывших офицеров, подлежащих
отправке в Россию

1. Тер-Иганесян Сергей
 2. Тер-Карапетян Абрам
 3. Матинян Тигран
 4. Тасальян Рафаель
 5. Симонян Аршавир
 6. Дарбинян Саркис
 7. Немков Илья
 8. Тер-Атенесян Гайк
 9. Мамасян Степан
 10. Чубарян Хачатур
 11. Акопян Лазарь
 12. Абалян Шаген
- Шт. Капитан
 Капитан
 Поручик
 Прапорщик
 Подпоручик
 Поручик
 Шт. Капитан
 Подпоручик
 Поручик
 Шт. Капитан
 Шт. Капитан
 Подпоручик

13. Степанян Оваким
 14. Мирозоян Амаяк
 15. Тамразян Рамзес
 16. Тарасян Карапет
 17. Торосян Ерваңд
 18. Хачикян Гарегин
 19. Данилян Аветис
 20. Караханов Павел
 21. Серебрякян Тигран
 22. Грикуров Артемий
 23. Надириян Хорен
 24. Мнацакянян Сумбат
 25. Казарян Сурен
 26. Джагацланиян Миран
 27. Лазрев Александр
 28. Маркосян Карапет
 29. Григорян Мартирос
 30. Григорян Левон
 31. Тер-Абрамянц Гарегин
 32. Газарян Артавазд
 33. Хачанян Мамикон
 34. Затикян Акол
 35. Мдиванян Тигран
 36. Мкртчян Гевонд
 37. Мелик-Мартиросян Оганес
 38. Шагинян Арсен
 39. Предтеченский Борис
 40. Мусаелян Мамикон
 41. Арутюнянц Никогос
 42. Тер-Саркисян Мамикон
 43. Бахчисв Георгий
 44. Магаков Баграт
 45. Качва Анатолий
 46. Агабеков Амаяк
 47. Авакян Васак
 48. Амрагагов Георгий
 49. Равоев Иван
 50. Ишханов Михаил
 51. Мушулов Исаак
 52. Тарасян Мкртыч
 53. Гаспарян Акол
 54. Сейрикиян Михаил
 55. Аракелян Вардан
 56. Моисеев Георгий
 57. Мартиромян Карапет
 58. Ованесов Степан
 59. Туманян Баграт
 60. Меликян Онан

Подпоручик
 Капитан
 Прапорщик
 Подпоручик
 Прапорщик
 Шт. Капитан
 Прапорщик
 Прапорщик
 Подпоручик
 Прапорщик
 Шт. Капитан
 Прапорщик
 Поручик
 Поручик
 Поручик
 Прапорщик
 Прапорщик
 Прапорщик
 Поручик
 Шт. Капитан
 Прапорщик
 Подполковник
 Поручик
 Прапорщик
 Подпоручик
 Прапорщик
 Поручик
 Шт. Капитан
 Капитан
 Подпоручик
 Прапорщик
 Прапорщик
 Шт. Капитан
 Прапорщик
 Прапорщик
 Капитан
 Капитан
 Подпоручик

61. Матюнин Михаил
 62. Абиян Карапет
 63. Сеферян Левон
 64. Манукян Карапет
 65. Таодохиов Хачатур (вычеркнут)
 66. Караторов Яков
 67. Иноченко Дмитрий
 68. Никитин Адриан
 69. Давидян Акол
 70. Мурадян Мартирос
 71. И... Сарю... (вычеркнут)
 72. Хорозян Анушеван
 73. Симонян Аришан (вычеркнут)
 74. Гашбарян Маркар
 75. Бэбаев Иван
 76. Георгий Погосян

Шт. Капитан
 Подпоручик
 Шт. Капитан
 Подпоручик
 Подпоручик
 Подпоручик
 Шт. Капитан
 Поручик
 Прапорщик
 Подпоручик
 Подпоручик
 Штабс-Капитан
 Подпоручик
 Поручик
 Поручик
 Поручик

*Предчека Армении С.Мои....
 Секретарь Белов / - /
 1921 год 26/1
 Зачеркнутому верить: всего семьдесят
 три человека*

СПИСОК 4-ой ПАРТИИ, ПРИБЫВШЕЙ 2-го ФЕВРАЛЯ 1921г. ИЗ ЭРИВАНИ

1. Иванов Андрей Афанасьевич
 2. Меликов Константин Александрович
 3. Назарбеков Фома Иванович
 4. Гамазов Константин Михайлович
 5. Хороманский Василий Михайлович
 6. Павловский Николай Григорьевич
 7. Пичуренко Павел Павлович
 8. Хохряков Василий Васильевич
 9. Баграмов Иван Сергеевич
 10. Мелик Шах-Назаров Мих. Осипович
 11. Шелковников Григорий Артемьевич
 12. Экобашьян Михаил Яковлевич
 13. Кочарянц Гайк Ованесович
 14. Тер-Багдасаров Иван Богданович
 15. Багдасаров Нерсес Николаевич
 16. Бояджанц Андраник Акопович
 17. Александров Паруйр Сумбатович
 18. Никогосов Гайк Саакович
 19. Мидиянц Рубен Манукович
 20. Гечеян Карапет Георгиевич
 21. Аревшатов Александр Никитович
 22. Таманов Сергей Иванович

Генерал-майор
 Полковник
 Генерал
 Генерал-лейтенант
 Генерал-майор
 Генерал-майор
 Прапор. запаса
 Прапорщик
 Генерал-майор
 Подполковник
 Генерал-майор
 Подпоручик
 Прапорщик
 Шт. капитан
 Подпоручик
 Прапорщик
 Прапорщик
 Поручик
 Прапорщик
 Подпоручик
 Поручик
 Подпоручик
 Полковник

Александр Солженицыну – 75 лет

Дорогой Александр Исаевич!
 ...Понимаю, что вернуться Вам сейчас может быть и труднее, чем некогда из лагеря. И тогда, и теперь это возвращение не в ту страну, какую покинули... В нынешней России давно нет Твардовского, нет и Сахарова. Командные высоты взяты вполне бессовестными ситуантами, которые в трудные времена разумно помалкивали и убедительно свое помалкивание обосновывали теоретически...

Велика и трудна Ваша задача, но кому же и браться за нее?..
 Что же до Вашего неизменяемого читателя, то для меня Россия, в которой находится Солженицын, будет уже не та, в которой его нет...

Георгий ВЛАДИМОВ

Годы, полные творчества, провел Солженицын в Рызани. Здесь написан главный труд его жизни – «Архипелаг ГУЛАГ». Здесь начался его путь в мировую литературу. Прошлым летом сыновья Александра Исаевича Солженицына – Ермолай и Степан – гостили в Рызани у верного друга писателя Натальи Евгеньевны Радугиной.
 На снимке: (слева направо) Степан Солженицын, Наталья Радугина, Ермолай Солженицын с членами рызанского «Мемориала».
 ФОТО Сергея РОМАНОВА

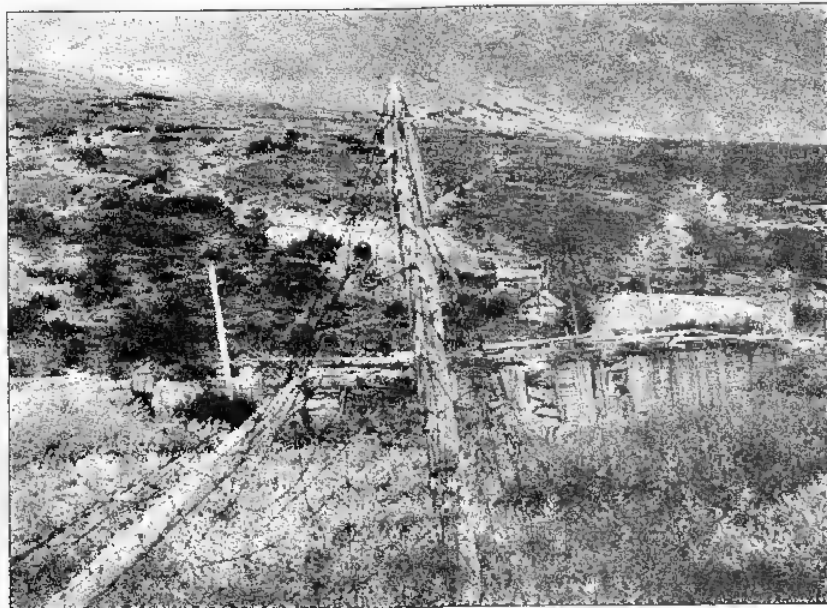
Сергей РОМАНОВ

ФОТОРЕПОРТАЖ О международной экспедиции журнала «Карта» по Воркутлагу

УЧАСТНИКИ ЭКСПЕДИЦИИ:

Лариса МИХАЙЛЮК
 Кшиштоф ГОЗДОВСКИ
 (Польша)
 Барбара ГОЗДОВСКА
 (Польша)
 Маша СЕРЕДА
 Юлия СЕРЕДА
 Вячеслав РОМАНОВ
 Андрей БЛИНУШОВ
 Кристина КЕДРИА
 (Канада)
 Николай СЕРЕДА
 фотокорреспондент
 Сергей РОМАНОВ

Полжизни у Харбея

Свидетельство
 Григория
 Борисовича
 АРХИПЕНКОВА

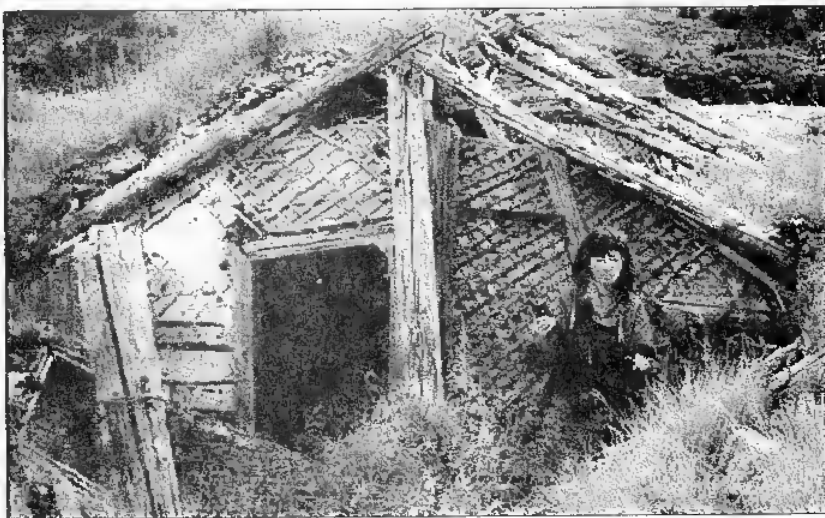
Харбейский лагерь был одним из самых страшных, о которых мне довелось слышать. Там добывали молибден, он был нужен во время войны. Из этого металла, вроде бы, делали присадку для танковой брони. А в 1953 году, после смерти Сталина, лагерную фабрику законсервировали, не нужен стал этот молибден.

Лагерь был большой, четыре тысячи зэков и две тысячи вольнонаемных плюс охрана. Вольные обслуживали фабрику, работали в геологоразведке, ну а все осталь-

ное делали заключенные, которые горбатились в три смены.

Вы сами видели, где расположен лагерь — горы, труднодоступное место. А ведь дорогу туда, все эти камни, вручную проложили те же арестанты. Электричество тянули аж с Воркуты, напрямую, через все перевалы. Снаряжали специальные командировки с конвоем. Видели эти столбы? Больше ста верст. Там же сплошные человечески кости...

Все это огромное оборудование для фабрики везли поездом до 110-го километра, а потом тракторными волокушами тянули на Харбей. Зэков сначала привозили на санях, а потом, попросту, гнали через горы — мороз, не мороз... Сколько не доходило — кто людей считал? Особенно при Сталине.

Харбей был центральным лагерем, в нем перемешали и политических, и бытовиков. Много было «указников». Специальные «локалки» строили для женщин и иностранцев. Помню эстонцев, литовцев, поляков. В то время, на работах за зоной, мы не раз встречали колонны пленных немцев. Говорили, что для них был специальный, отдельный лагпункт.

Никто с нами тогда не считался: лагерь, война — все поставлено на карту. Правда, говорят, что сам Сталин многого не знал, верил, что в стране полно врагов. А чекисты, мол, ему такую информацию давали, Берия, гад... Хотя, чего там, Сталин сам был очень жестоким, все знают теперь. Он не считался ни с чем, ни с какими высылками, расстрелами. Из Харбейского лагеря скольких отправили в Харп для приведения в исполнение...

Расстреливали чаще всего за побеги. Несколько раз эски на выводе разоружали конвой, отрывались группами. Бежали на Воркуту: большой город, железная дорога. Но до Воркуты добежали только двое. Беглецов расстреливали с самолетов, травил собаками.

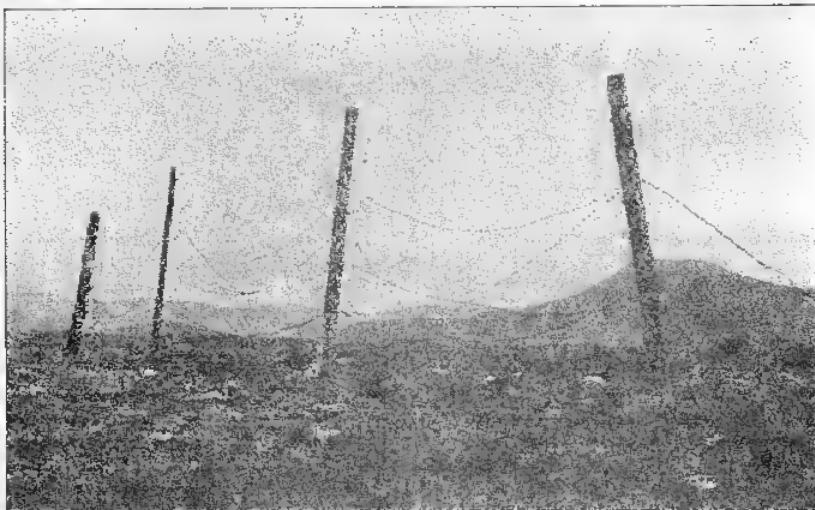
В лагпунктах Харбейского лагеря бывали и восстания, когда совсем уж невозможность становилось. В 53-м в лагпункте Полярный, который занимался строительством моста через Сось, случился жестокий бунт. Эски пухли с голоду, цинга, конвой совсем озверел. Ну и польхнуло. Положили всех — авиацию поднимали с Воркуты. Начальни-

ком лагеря был головорез по фамилии Удод. Даже чекисты от него шарахались. Бил людей металлическим прутом, собственноручно замордовал множество эсков. Умышленно сеял вражду в зоне. В Харбей привезли «суки», это такие продавшиеся воры. Ну и началась жуткая резня. Гонят эсков с работы, а за вахтой уже «суки» с ножами и кольем поджидают. Конвой в сторону отходит, вроде бы не видит ничего. Подождут минут 10-15, потом несколько очередей в воздух. Сами же эски трупы оттащат, и по баракам.

И на работе все соки из нас выжимал Удод — по 12 часов в день пахали. Ни воры, ни «суки» работать не хотели, отдувались «мужики» и «политики». Плюс погода — зимой до минус сорока доходило. Бураны, — человека на землю швыряет. А начальник гнал работать — искупайте, гады, вину перед родиной. Но нашлась и на Удода управа — зарезали его заключенные после одной расправы.

Страшный был в Харбее лагерь, я уж и не думал дожить до освобождения. Да вот Бог дал, видно. Вернулся я домой, в Смоленск, а там — никого. Отец от рака умер, мачеха на порог не пустила. Ни дома, ни семьи. Обычная катавасия — не прописывают, работы нет. Все косятся на лагерьника, того гляди, опять в зону угодишь. Помыкался я, плюнул, да опять за Полярный круг вернулся. Вот так полжизни и прошло у Харбея...

Полярный-Рязань

Справка «Карты»

Воркутинский угольный бассейн начал эксплуатироваться Ухтпечлагом с 1932 года. В 1936 году был создан самостоятельный Воркутлаг ГУЛАГа НКВД СССР. В 1938 году из Москвы в Воркуту во главе расстрельной комиссии прибыл Кашкетин — были казнены десятки тысяч человек.

После раздела Польши Советским Союзом и Германией в 1939 году, в Воркутлаг завозят десятки тысяч польских граждан. В 1940 году, после окончания войны с Финляндией, туда завозят тысячи бывших советских военнопленных, возвращенных финнами. В том же году на Воркуту попадают десятки тысяч граждан Литвы, Латвии, Эстонии. С конца 1943 года на Воркуту завозят массу немецких военнопленных и интернированных. Заключенными построена железная дорога, соединившая в сороковые годы Воркуту с Котласом и практически вся инфраструктура региона. До 1934 года все лагеря в районе Воркуты были исключительно в ведении ОГПУ. В конце 40-х годов в Воркутлаге насчитывалось более 150 тысяч заключенных. Начальником был генерал Деревянко.

«Карта» продолжает публикацию материалов, проливающих свет на историю создания «спецподразделений» в составе Советской армии. В сегодняшнем блоке материалов, наряду с многочисленными свидетельствами очевидцев, мы публикуем текст документа, который прямо указывает на подготовку СССР к войне с Германией в 1940 году и на непосредственное участие чекистов в формировании польских и чешских дивизий.

Примечательно: ключевые фразы вписаны в текст документа от руки, что говорит о его особой секретности. Стилистика абзаца, касающегося полковника Людвиг Свободы, наводит на размышления о его особых отношениях с ведомством Лаврентия Берии. Но это – тема отдельного исследования.

Редакция

СОВ. СЕКРЕТНО
ЦК ВКП(б)

2 ноября 1940 г.

№ 4713/6

г. Москва

Товарищу СТАЛИНУ

Во исполнение Ваших указаний о военнопленных поляках и чехах нами проделано следующее:

1. В лагерях НКВД СССР в настоящее время содержится военнопленных поляков 18.297 человек, в том числе: генералов — 2, полковников и подполковников — 39, майоров и капитанов — 222, поручиков и подпоручиков — 6, младшего комсостава — 4.022, рядовых — 13.321.

2. Из 18.297 человек 11.998 являются жителями территории, отошедшей Германии.

Военнопленных, интернированных в Литве и Латвии и вывезенных в лагерь НКВД СССР, насчитывается 3.303 человека.

Подавляющая часть остальных военнопленных, за исключением комсостава, занята на работах по строительству шоссеиной и железной дорог.

Кроме того, во внутренней тюрьме НКВД СССР находятся 22 офицера бывшей польской армии, арестованных органами НКВД как участники различных антисоветских организаций, действовавших на территории западных областей Украины и Белоруссии.

Младшие офицеры заявляют, что они будут действовать в соответствии с приказами, полученными от какого-либо польского генерала.

Конкретно следует остановиться на позициях следующих отдельных лиц:

а) генерал Янушайтес заявил, что он может взять на себя руководство польскими частями (вписано от руки — РЕД.), если таковые будут организованы на территории Советского Союза для борьбы с Германией (вписано от руки — РЕД.), безотносительно к установкам в этом вопросе «правительства» Сикорского. Однако считает целесообразным наметить специальную политическую платформу с изложением будущей судьбы Польши (вписано от руки — РЕД.) и одновременно с этим, как он выразился, «смягчить климат» для поляков, проживающих в западных областях Украины и Белоруссии.

б) генерал Бурото-Спехович заявил, что он может предпринять те или иные шаги только по указанию «правительства» Сикорского, которое, по его мнению, представляет интересы польского народа.

в) генерал Пржездский сделал заявление, аналогичное заявлению Бурото-Спеховича.

г) несколько полковников и подполковников (Берлинг, Букоемский, Горчинский, Тышитский) заявили, что они всецело передают себя в распоряжение Советской власти и что с большой охотой возьмут на себя организацию и руководство какими-либо военными соединениями (вписано от руки — РЕД.) из числа военнопленных поляков, предназначенными для борьбы с Германией (вписано от руки — РЕД.) в интересах создания Польши как национальной государственности. Будущая Польша мыслится ими как тесно связанная в той или иной форме с Советским Союзом.

Для прощупывания настроений остальной массы военнопленных, содержащихся в лагерях НКВД, на места были посланы бригады оперативных работников НКВД СССР с соответствующими заданиями.

В результате проведенной работы установлено, что подавляющее большинство военнопленных безусловно может быть использовано для организации польской военной части (вписано от руки — РЕД.).

Для этой цели нам представляется целесообразным:

Не отказываясь от мысли использовать в качестве руководителей польской военной части (вписано от руки — РЕД.) генералов Янушайтеса и Бурото-Спеховича, имена которых могут привлечь определенные круги бывших польских военных, поручить организацию на первое время дивизии (вписано от руки — РЕД.) упомянутой выше группе полковников и подполковников (справки на них прилагаются) которые производят впечатление толковых, знающих военное дело, правильно политически мыслящих и искренних людей.

Этой группе следует предоставить возможность переговорить в конспиративной форме со своими единомышленниками в лагерях для военнопленных поляков и отобрать кадровый состав будущей дивизии (вписано от руки — РЕД.).

После того, как кадровый состав будет подобран, следует в одном из союзных на юго-востоке СССР организовать штаб (вписано от руки — РЕД.) и место занятий дивизии (вписано от руки — РЕД.). Совместно со специально выделенными работниками штаба РККА (вписано от руки — РЕД.) составляется план формирования дивизии (вписано от руки — РЕД.), решается вопрос о характере дивизии (танковая, моторизованная, стрелковая) (вписано от руки — РЕД.) и обеспечивается ее материально-техническое снабжение.

Одновременно с этим в лагерях для военнопленных поляков среди рядовых и младшего комсостава органами НКВД должна вестись соответствующая работа по вербовке людей в дивизию (вписано от руки — РЕД.).

По мере вербовки и окончания проверки вербуемых, последние партиями направляются к месту расположения штаба дивизии (вписано от руки — РЕД.), где с ними проводятся соответствующие занятия.

Организация дивизии (вписано от руки — РЕД.) и подготовка ее проводятся под руководством Генштаба РККА (вписано от руки — РЕД.). При дивизии (вписано от руки — РЕД.) организуется Особое отделение НКВД СССР (вписано от руки — РЕД.) с задачами обеспечения внутреннего освещения личного состава дивизии (вписано от руки — РЕД.).

Что касается военнопленных чехов, то их в лагере НКВД насчитывается 577 человек (501 чех и 76 словаков), в том числе: штабных капитанов и капитанов — 8 человек, младших офицеров — 39, младшего комсостава — 176 человек и рядовых 354.

В процессе бесед с отобранными из их числа 13-ю офицерами установлено, что все они считают своим истинным врагом Германию (вписано от руки — РЕД.) и хотя дратья с ней за восстановление Чехословацкого государства (вписано от руки — РЕД.). Собой они рассматривают как военнообязанных чешской армии, своим вождем считают Бенеша и, в случае, если на территории Советского Союза будут организованы какие-либо чешские военные части (вписано от руки — РЕД.), вступят в них по приказу Бенеша или, как минимум, своего командира полковника Свобода (вписано от руки — РЕД.), ныне находящегося за границей. Свобода (вписано от руки — РЕД.) нами из-за границы вызван.

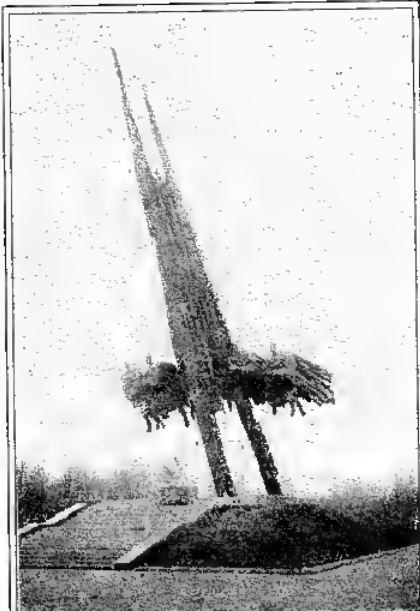
Приложение: по тексту.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
Л. БЕРИЯ

Геннадий ЖАВОРОНКОВ

СВЕРХСЕКРЕТНЫЙ ОБЪЕКТ

Памятник советско-польскому братству по оружию. Рязань. ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Он позвонил по моему редакционному телефону, пожелал остаться неизвестным, но сказал, что ему много лет и он не хочет уносить эту тайну в могилу.

— Вы знаете, что было после расстрела польских офицеров в Смоленске, Харькове и Калининe в 1940 году?

— Нет.

— Новые расстрелы...

— Когда?

— В 1942-1943 годах в селе Сельцы под Рязанью. Там их много полегло, тех, кто не пожелал принять присягу советскому правительству...

Рассказал и исчез, оставив довольно точные координаты неизвестного миру преступления.

Уже на третьем чае езды от Москвы до Рязани мы с польским коллегой Леоном Буйко поняли, что ехать надо было не на «Ладе», а на вездеходе.

От поселка Белоомут к переправе мы спускались по жидкой грязи как по ледяной горке. Паромщик, поворочав то у него перерыв, все же взялся перевезти нас на другой берег.

Не успели мы отплыть и десяти метров, как с белоомут-

ской горки, отчаянно сигналив, скатился вслед нам милицейский «воронок». Паром вернулся.

— Все, — тихо сказал Леон, — приехали. Вот именно так нас задерживали на подступах к Катыни.

Из машины вылез сержант и весело спросил:

— Это что же за номера у вас такие?

— Польские, — пояснил Буйко.

— Странно, машина советская, а номера польские.

Потом молчали до самого противоположного берега.

— Вам дальше-то куда? — спросил паромщик.

— В Сельцы.

— Ну, это вверх, мимо десантного училища, а там уж километров пятнадцать, если проедете.

Мимо училища проехать не удалось. Вся территория с огромным сосновым бором носила странное название «Военный заповедник». Вход и въезд в него, как гласила табличка, был строго запрещен.

Мы же въехали на свой страх и риск и больше часа плутали по избитым танками дорогам. Изредка попадавшиеся нам солдаты о поселке Сельцы и слыхом не слыхивали.

— А про Москву слышали? — с отчаянием пошутил я.

— Даже были, — ответили мне, — девятнадцатого августа...

Наконец мы наткнулись на вездеход. На вопрос, туда ли едем, водитель заверил, что туда.

— Берите правее, мимо польского кладбища, и через четыре километра Сельцы.

— Какого польского кладбища? — изумился я.

— Ну там, где поляки расстреляны, которые не захотели за нас воевать.

— А почему они должны были за нас воевать?

— Я-то тут при чем, так было...

Они сражались за родину?

О расстрелах я уже знал от звонившего в редакцию старика, но слабо верил, что смогу найти то место, где свершилось еще одно преступление века.

Знал, что расстреливали в основном бору, вблизи дороги, недалеко от села. Правда, старик говорил об огромных, еще не осевших холмах, которые следовало искать в лесу.

Их искать не пришлось. Онемевший я стоял вместе с Леоном перед растянутым на десять метров мемориалом рядом с дорогой и именно на том месте, о котором говорил мне старик. На величественном гранитном сооружении по-польски и по-русски было начертано: «слава польским воинам, погибшим в борьбе с ...измом». По случайности или по чьей-то преднамеренности последнее слово было сокращено.

Справка. В 1939 году, по разным данным, перед советской армией сложили оружие по приказу главнокомандующего от 60 до 70 тысяч польских военнослужащих. Элита армии, офицеры от генералов до капитанов были расстреляны НКВД в 1940 году. Всего около пятнадцати тысяч. Оставшиеся военнослужащие частично были отправлены «домой» (то есть к Гитлеру), остальные были рассеяны по советским концлагерям.

С началом войны Германии с СССР с польским правительством была достигнута договоренность о формировании армии под командованием генерала Андерса. По приказу своего правительства, эмигрировавшего в Лондон, недосчитавшись многих военнопленных, Андерс увел свою армию в Иран. Воевал в Египте, потом в Италии.

Трудно гадать, когда и почему пришла Сталину мысль создать свою «советскую польскую армию». Возможно, он уже мыслил перспективно, и видел ее штурмующей Варшаву. Возможно, он хотел еще более тщательно скрыть следы катынского преступления, сливав исчезнувших офицеров на бой с фашистами. А может быть, и то, и другое. Но уже в 1942 году в село Сельцы под Рязанью стали прибывать первые партии поляков.

«Он просил пощадить его ради семьи...»

Живых свидетелей трагедии нам долго искать не пришлось.

Восьмидесятилетняя Марья Бобкова охотно оторвалась от своей неженской работы: три бревна уже были ошкурены, предстояло отесать еще пять.

— Поляки? Кто ж их не помнит, здесь они были, здесь. Хорошие люди были, обходительные. Плохо про них ничего не скажу. Только воевать вместе с нами против немцев не хотели. Хотели отдельно. У моей сестры тоже двое на постое были и однажды ночью сбегали. А куда тут бечь? Сами вот оглянитесь, как на острове живем. Кругом вода и леса. Поймали их, привели к сестре. «У тебя они жили?» «У меня...» Ну, их тут же и расстреляли. Даже в лес поленились вести. Один совсем молоденький был. Он просил пощадить его ради семьи. Мать ли имел в виду, или своих детей, не знаю. Вообще-то для таких дел было место в лесу, на нем теперь памятник. Теперь туда многие ходят. Места там грибные...

Другая свидетельница пожелала остаться неизвестной.

— Мало ли чего... Знаем мы вашу гласность... А помнить помню, однажды я с ними переправлялась на пароме. Мне было шестнадцать лет. Они стали между собой подшучивать надо мной, а я все понимала, они почему-то на украинском говорили. Я их одернула. Разные они были. Одни вежливые, обходительные, руки в золотых кольцах. А другие — ворье ворьем. У одного старика бочку украли, у соседки катушку ниток. У одних все время молитвенники в руках, а у других на уме, кого бы объегорить...

Расстрелы были... Один видела сама, когда шла через польский лагерь. Солдат построили и расстреляли они своего же у всех на глазах. Что страшно — при этом присутствовал ксендз. Может, так принято?

Про разных поляков свидетельница не ошибается. Отчаявшись заставить польских поданных воевать на стороне советской армии, привезли сюда «наших» поляков, давно уже утративших свой

язык. Везли и из уголовных лагерей людей, совершивших какое-либо преступление...

Ольга Здражель:

— Среди поляков были, ну как вам сказать, и «белые» и «красные». Мира среди них не складывалось. Я почему знаю? У нас с мамой в доме двое на постое были. Один из них, Здражель, стал моим мужем.

Присягу заставляли принимать в лесу. Многие отказывались: «зачем я буду присягать русским? За то, что они меня в Сибирь сослали?» Таких там расстреливали. Часто бывала здесь писательница Ванда Василевская. Говорила долго, с выражением. Я не понимала, о чем.

Мужа послали в военное училище. Потом он вызвал к себе меня. Там по неосторожности я и потеряла своего еще не родившегося ребенка. Муж очень горевал, а мне еще горше было — объявили мне, что детей не будет. Провожая на фронт, я сказала мужу: Хочешь — возвращайся, хочешь — нет, раз уж случилось у нас такое. Он не вернулся.

В 1957 году, после смерти мамы, нагрянули к нам сюда поляки во главе с самим Гомулкой. Созвали нас в клуб. Я глянула на сцену и охнула — там сидел мой муж. Бабы спросили меня: ты чего, Оль? Я сказала, что мне на ногу наступили. Муж узнал меня, но не зашел. Потом мне сказали, что он просил разрешения повидаться. Запретили... наши!

А места здесь грибные

В избы на постой селили только офицеров. Это их, бравых, подтянутых и... сломленных демонстрировали иностранным журналистам в 1943 году, о чем свидетельствует американский журналист Александр Верт в своей книге «Россия в войне 1941-1945 годов». Солдаты жили в землянках и летом зимой. Тем, кто умирал сам, почестей не оказывали. Свозили в тот же сосновый бор, где хоронили «ослушников и дизетиров». И, по свидетельству бывшего егеря Петра Голинова, до самых семидесятых годов на этом месте не было ничего, даже крестов. А польские делегации после приезда Гомулки бывали здесь не раз. С жителями уже не встречались, гуляли в расположении военного училища. Кто это, Бог ведает. Ветераны ли Войска Польского или партийные лидеры? Но в селекционный лес они не рвались даже по грибы. Не говоря уже про цветы на могилу павшим от «...изма».

Да и сейчас нет у мемориала цветов и не звучат здесь молитвы ксендзов. Открывали его в восьмидесятые годы маршал Устинов и генерал Ярузельский. Для кого? Знал ли бывший президент Польши, кто лежит в этой земле и чьи это жертвы?

Светлая память полякам, погибшим в борьбе с фашизмом. Многих лет живым ветеранам. Но ни тем, ни другим вот такой секретный мемориал не нужен. Не нужна и такая слава, «звучащая» в глухом непролазном лесу, считающемся заповедником и запретной зоной.

Не знаю, как другие, а я теперь всегда внутренне вздрагиваю, когда вижу табличку «Заповедник» и колючую проволоку в два, а то и в три ряда. Что скрывается за этим трогательным желанием оберечь от нас природу? Искренняя забота, или попытка скрыть еще одно бесчеловечное преступление?

Москва-Рязань

«Павшим в борьбе с ...измом». Сельцы. Август 1993 г.

ФОТОАРХИВ «КАРТЫ»

Кристина ЛАСКОВИЧ

СТРОЙБАТАЛЬОНЫ

Кристина Ласкович, находясь в 1988-1989 г.г. в Институте Гувера (Станфорд, Калифорния) в качестве научного стипендиата по специальности «полонистика», однажды случайно заинтересовалась находящимся там «архивом Андерса». Она обнаружила около 50 уникальных документов, касающихся польских граждан, мобилизованных в 1939-42 г.г. в Красную армию.

После 17 сентября 1939 г. власти СССР признали жителей польских восточных территорий своими гражданами и подчинили их своему законодательству. Одним из результатов этой узурпации был массовый призыв польских граждан в Красную армию. Это была беспрецедентная акция, проведенная с нарушением международных соглашений.

С сентября 1939 г. по март 1940 г. во всех занятых Советами уездах была проведена регистрация всех мужчин в возрасте от 18 до 45 лет (во Львове от 17 до 50 лет) – в том числе выходцев из Западной Польши. Было официально объявлено, что уклонение от военной службы карастся смертью, высылкой семьи призывника в Сибирь и конфискацией имущества.

Регистрация охватывала много вопросов, в том числе: происхождение, место работы до 17 сентября 1939 г., национальность, образование, принадлежность к коммунистической партии, родственники за границей и в заключении. Медицинские комиссии признавали годными к строевой службе почти всех.

Предварительные списки использовались и для других целей. Основываясь на них, производились массовые аресты.

В большинстве уездов призыв на строевую службу проводился весной и осенью 1940 и весной 1941 года. Были призваны в Красную армию 1917-19 года рождения полностью, частично 1920-22 гг. Кроме того, мобилизовали выпускников средних школ 1923 года рождения. Во многих уездах были призваны резервисты в возрасте до 45 лет и часть из них была задержана в Красной Армии после 22 июня 1941 года. (1)

(Примечания размещены в конце текста.)

Насильная мобилизация

Из подсчетов конца 1941 года следует, что в 1939-41 годах в Красную Армию и ее рабочие батальоны было насильно призвано не менее 210 тысяч польских граждан. (2) Мобилизованных поляков отправляли, в основном, вглубь СССР.

Независимо от обычных призывных комиссий, органы НКВД

проводили набор в Красную Армию иными методами. Вот запись 15-летнего школьника Михала Вароника: «После перехода Советами польской границы, я, будущий школьником, был вынужден посещать русскую школу. Через какое-то время (01.13.39) я был отправлен в школу Ф.З.О. (фабрично-заводского обучения) в Слоним. В этой школе не учили никакой профессии, а заставляли работать для Красной Армии. Через несколько недель нас вывезли в Россию – в город Чапаевск, на военный завод. Было нас 120 поляков и 40 евреев.»

В некоторых уездах молодежь призывали на «трудовой фронт». Например, в Сокульце (под Белостоком) был организован трудовой лагерь для 140 призванных в армию учащихся 1923-25 г.г. рождения. Ребятам учили работе с деревом. Среди них проводилась пропаганда, их склоняли к вступлению в комсомол. За употребление польского языка или ношение религиозных медалей наказывали строгим заключением. В июне 1941 года их вывезли в рабочие батальоны в Петропавловск, Комсомольск и на уссурийские лесопилки.

В Красную Армию, также принудительно, призывались медсестры и, массово, врачи (из Львова около 200, из города Ровно – несколько десятков). Забирали их из дома, с работы, зачастую ночью, иногда позволяли проститься с близкими, но почти всегда угрожали смертью за сообщение о месте пребывания. Распределяли их потом по санитарным поездам, фронтовым госпиталям.

Призыв польских граждан в Советскую армию не всегда проходил без сопротивления. В январе 1940 года в Бубрецьком и Коссовском уездах мероприятие было приостановлено, так как отмечались массовые побеги населения в леса и демонстрации протеста. Случалось, что от регистрации уклонялись целиком населенные пункты, как например деревня Перехинск Ружновского уезда, где призывная комиссия после трех дней ожидания сдалась – не явился ни один человек. (4) Украинцы также избегали регистрации и пытались перейти на территорию Румынии или Венгрии. Многие из

тех, кто хотел спастись побегом за границу, в дальнейшем оказались в заключении (по обвинению в шпионаже), позже – в принудительных трудовых лагерях.

Под особым надзором

После начала советско-немецкой войны жизнь польских граждан в советской военной форме была значительно лучше судьбы тех, кто оказался в трудовых лагерях или в заключении. К ним относились так же, как и к советским призывникам: питание, одежда, гигиенические условия, медицинское обслуживание были одинаково убогими для всех солдат. Но поляки были под особым надзором, по отношению к ним проводилась политика агрессивной советизации, порочились польский народ и правительство, их убеждали, что Польша, как государство, не существует и существовать не будет, оскорблялись национальные, религиозные, патриотические чувства. От солдата Красной Армии добивались преданности «новой отчизне». Слежка НКВД приводила к суровым репрессиям против тех, кто оказывал малейшее сопротивление.

«20.09.40 г. я прибыл в 21 полк горной кавалерии – в Курган-Тюбе вблизи афганской границы. После нескольких дней карантина началась обычная подготовка призывника. Кроме боевого обучения в советской армии есть еще политзанятия, как обязательный предмет. На отношение к политзанятиям обращается особое внимание. 8 часов в неделю боец слушает доклады о том, что СССР – самое демократичное в мире государство, что оно проводит самую мудрую международную политику, целью которой является не завоевание лучших земель, а освобождение угнетенных народов, «протягивание им руки братской помощи» и т.д.» (Анатолий Спобей)

«Казармы холодные, серые и вообще не отапливаются. Гигиенические условия ужасные, не умывались и не брились целыми неделями. Русские ненавидят поляков, что стараются подчеркнуть на каждом шагу самым гнусным способом. Питание составляли 300 грамм хлеба и жижа под названием суп. Что каса-

ется одежды, достаточно сказать, что при 40 градусах мороза носили летнюю форму. Отношение командования НКВД было ужасное, особенно к полякам. После ареста меня допрашивали и избивали так, что пролежал 3 недели в госпитале. Каждый день заканчивался проклятиями Польши и поляков». (*Кароль Лукашевич*)

Ситуация драматически изменилась после 22 июня 1941 года. Много поляков, признанных особенно неудобными, сразу попали в заключение. Большинство польских граждан было разоружено, уволено со строевой службы и сгруппировано в рабочих батальонах под надзором НКВД. Теоретически, задачей рабочих батальонов были работы на строительстве военно-оборонительной инфраструктуры (мосты, аэродромы, дороги, укрепления) и работа на военных заводах.

Ненадежные элементы

Практически, происходили объединение и изоляция всего «ненадежного элемента» советской армии: всех, кого из-за происхождения, национальности, традиций, взглядов, сознания или психики можно было подозревать в деструктивном влиянии на мораль советского солдата, в содействии противнику, желании диверсии или дезертирства.

Это касалось всех национальностей, но особенно затронуло поляков, немцев, украинцев. Формировались национальные и смешанные стройбаты. Поляки группировались в нескольких местах, наиболее массово в Орле, Самарканде, Ташкенте. Затем они делились на различные батальоны и направлялись в трудовые лагеря. По выполнению задания перебрасывались на новый участок. Солдаты, демобилизованные из Красной Армии были как бы внутренней разновидностью военнопленных. Созданные из них и других «западников» батальоны были, в сущности, лагерями.

«Нас должны были послать на передовую, но помешал приказ Сталина всех поляков разоружить и отослать в тыл под охраной и так этот приказ выполнили, что отняли у нас даже ремни и обмотки, потом НКВД погнал нас в Киев, в ботанический сад, и сидели мы там 5 дней. Через 5 дней погрузили нас в товарные вагоны и везли 15 дней через пол-России в закрытых вагонах. 6 дней не давали ни воды ни хлеба, так, что вскоре все лежали на нарах,

как трупы от голода, жажды и мучений.

Через 15 дней такого путешествия транспорт дошел до местности Шостки, где работали на раскорчевывании леса. Оттуда перебросили в Мерефич под Харьковом, где строили оборонительные сооружения. Когда приблизился фронт, лагерь погнали пешком в направлении Сталинграда».

Голод и бесправие

Медицинская помощь в лагерях отсутствовала. Если даже в лагере был врач, у него не было лекарств и медицинского оборудования. Так же плохо было и с питанием, одеждой, гигиеническими и трудовыми условиями. Почти все сообщения говорят одно и то же. Нормы труда в рабочих батальонах, как и в заключении, были невыполнимы. Солдаты болели куриной слепотой, мерзли без одежды, вшивость была страшная. Несмотря на угрозу расстрела, многие бежали.

«Из-за постоянных допросов НКВД двое сошли с ума. Посажённых за агитацию засунули в яму, крытую досками, предназначенную для уборной, на 18 дней и охранял их особый часовой. Пищу нам нельзя было им передавать, кормили их большевики. Чем их кормили — неизвестно. После отбытия наказания осталась только одежда, а судьба их была нам неизвестна». (*Мечислав Савицкий*)

Трудовой лагерь в Харькове обьединял как демобилизованных солдат, так и заключённых после приговора. Обязателен там был 14-ти часовой рабочий день и нормы как в самых тяжелых лагерях.

«Песочный грунт слабо замерзший — 4 кубометра, грунт тяжелый и замерзший — 3 кубометра. За работу платили, высчитывая за питание и одежду, сколько зарабатывал — не знаю, ни разу не получал. Зимой 41-ого года просил выдать мне телогрейку. Не выдали, оказалось, что я даже должен за питание. За время с 10.10.41 г. до 10.11.41 г. лагерь прошел пешком от Харькова до Серафимовича (на Дону). В первых числах января 1942 г. я бежал.» (*Марьян Крыштов*)

Одно из наибольших скопленных лагерей, где работали только поляки, размещалось в Нижнем Тагиле. Среди других там был батальон, сформированный из двух тысяч поляков, группированных в г.Орле. Сначала перевезли их в Просницы, в районе Кирова, затем в Н.Тагил.

Под Кировом работали на строительстве аэродрома с особо тяжелых условиях. Располагались прямо на земле, строили себе жилье из коры и ветвей. Сильный урон наносил голод. Имели место неудачные попытки побега, в том числе троих поляков, которых на показательном суде приговорили к расстрелу. В Н.Тагиле разбивали замерзшие кучи угля, цемента, песка, дерева, железного лома. «Здесь жили в землянках по 90 человек, спали на досках без всякой постели. Хотя мороз доходил до 50 градусов вместо сапог получили лыковые лапти, пища плохая, так что ребята ходили на помойку и собирали пищевые отбросы, рыбы головы и этим питались». (*Болезлав Емигиты*)

По сообщениям, около 15% поляков в районе Н.Тагила умерло от истощения и отсутствия медицинской помощи, многие оказались в заключении из-за попыток побега, многие не выходили из землянок из-за обмороженных рук и ног. «И прикончили бы всех, если бы не польская комиссия, которая приехала туда в феврале 1942 г. и вытащила нас в армию.» (*Эмиль Смолинский*).

В соответствии с другим сообщением, из батальона в 1000 человек осталась в живых только половина. В местности Лая (Лайя), в районе Свердловска, в исключительно плохих условиях на сильном морозе группа поляков, тоже привезенных из Орла, строила железнодорожные пути и электрическую сеть. Без нормальной одежды и обуви «выбрасывали человека на мороз и заставляли работать. Говорили, что симулянт, что не хочет работать, и так он замерзал на снегу, а когда замерзал, то все сдирали и голого закапывали» (*Станислав Якуб*).

В «исправительном рабочем лагере» в Ульяновске находились исключительно поляки, около 570. «Многие умерли и вывезены неизвестно куда, а четверо убиты во время побега. Товарищ, который бежал, в Войско Польское, был расстрелян в г.Ульяновске. Нам угрожали, что в случае побега, это ожидает каждого. После моего побега осталось еще 400 чел.» (*Петр Зазула*).

Поляков, находившихся 22 июня 1941 г. в 422-ом пехотном полку в Башкирской республике, в Белебее, даже послали на фронт, но еще до Харькова всех выходцев из оккупированных Советами районов, независимо от национальности, разоружили и двинули назад. Из укра-

инцев, немцев, поляков, татар сформировали рабочий батальон, который сначала работал на строительстве аэродрома под Свердловском, потом был перебросен на Уральский алюминиевый завод. Мороз, голод, абсурдные нормы произвели опустошение в батальоне. «Люди начали массово гибнуть или опухать от голода. Многие сходили с ума, как лично мне знакомые Станислав Жураковский и Франтишек Мингдалевич, оба из Коломы. Начались побег. Пойманных сначала расстреливали, позже приговаривали к 10-летнему заключению. Несмотря ни на что бежали при первой же возможности. Считаю, что нет другого пути избавиться от этого ада и придется зря погибнуть от голода, я подделал командировку и освобождение из рабочего батальона и сбежал в польскую точку в Челябинске» (Станислав Ямрош).

Во время пребывания в лагерях продолжали мучать допросами, проводили «следствия», выносили смертные приговоры. Таким способом мобилизованные поляки перемещались из батальонов в «нормальные» трудовые лагеря.

Ложные увольнения

По договору Майского-Сикорского, в процессе формирования Польских Вооруженных Сил, проблема поляков, призванных в Советскую Армию, возникла сразу. Генерал Андерс во время переговоров с генералом Панфиловым в августе 1941 года: «Могут ли быть возвращены поляки, находящиеся в Красной Армии?» Панфилов: «Считаю, что это возможно». Через два дня во время совещания смешанной комиссии по формированию Польской Армии на территории СССР: «Желая удовлетворить Польское правительство, руководство Красной Армии выполняет просьбу Польского правительства о добровольном переводе в Польскую Армию поляков, находящихся в частях Красной Армии» (6). Это обещание в действительности не было выполнено. Еще долго после соглашения об амнистии проводилась показная, лживая акция увольнения из стройбатальонов (7).

Проблема мобилизованных поляков была исключительно важной. Это был, по словам Андерса, «отличный солдатский материал», «наилучший молодежь». Несколько полных призывных лет, молодые люди, находящиеся, как тогда считали, в хорошем физическом состоянии. Сначала в штабе Польской Армии

не представляли, чем отличались разновидности «рабочих батальонов». Внимание было сконцентрировано на погибших офицерах и осужденных, находящихся в тяжелых трудовых лагерях на севере. Возвращающиеся из лагерей для военнопленных и из заключения приносили ужасные сведения о судьбах поляков. Из стройбатальонов вначале никто не прибывал. Только через некоторое время до штаба добрались первые беглецы, сообщившие ужасно тревожную информацию. Информация эта имела случайный, спонтанный характер. Невозможно было установить места пребывания поляков, сориентироваться в их численности и судьбах.

Вместо армии — за решетку

Из сообщения от ноября 1941 года: «Ничего не говорится об увольнении этих людей из Советской Армии. Невозможно установить дальнейшие планы и намерения советских властей относительно судеб этих людей. Тормозят и скрываются сведения о создании Польской Армии. Нажим в этом направлении доходит до того, что даже в разговоре невозможно упомянуть о своем желании перейти в Польскую Армию. Более активные люди, подавшие заявления или публично выразившие желание о переводе в Польскую Армию, привлекались к ответственности с направлением их дел в военные суды. (8) «В О.С.Б.» 757 в Безенчуке (под Куйбышевым) суд приговорил к 8-10 годам, а нескольких польских граждан к смерти: майора медицинской службы Борнфсльда, подхорунжих Клайнмана, Гросса, Берковича и других. Известно, что какое наказание получил. Сажали их за попытки и желание перейти в Войско Польское. Все попали в заключение и судьба их неизвестна». (9)

Сообщения и доклады, поступающие в польское посольство в Куйбышеве и в штаб армии, позволили постепенно распознать драматичную ситуацию, оценить размеры явления. Информация и просьбы о помощи поступали от доверенных лиц, собиравших сведения в своем районе, с помощью писем, передаваемых добрыми людьми, записок, выбрасываемых во время перемещения батальонов, нескольких слов, которые кому-то удалось сказать с поезда, сведений от немногих беглецов. По этим данным в декабре 1941 года был составлен список, насчитывавший 61 лагерь. Отчет ин-

формационного отдела при польском посольстве в СССР в Куйбышеве от 1 апреля 1942 года включал уже 100 центров. Формально батальоны подчинялись Красной Армии, фактически в трудовых лагерях заправлял НКВД. Особые строительные батальоны (ОСБ), особые строительные колонны (ОСК), участки военного строительства (УВС), трудовые фронты обозначались номерами. Иерархические отношения между этими подразделениями были неясными. В стройбатальонах насчитывалось около 1000 человек, иногда значительно больше. В колоннах — несколько сотен, в участках — по-разному, так же как и в появившихся позже трудовых фронтах. (10) На основании скудных данных польского посольства, в 100 лагерях, о которых удалось что-то узнать, насчитывалось «не менее 10000 человек, может быть, значительно больше». Представительство из района Свердловска информирует посольство в Куйбышеве в конце мая 1942 года, что «по неполным данным, в их районе находится 38 военных трудовых лагерей с 6000 человек». (12)

Проблема мобилизованных поляков становится горячее еще и по другой причине. На стыке 1941-1942 годов стало ясно, что лживые декларации Советов делались для того, чтобы тянуть время, избегая переговоров на невыгодную тему. В это время кампания принудительного призыва поляков в Советскую Армию продолжалась. Призывали даже людей, освобожденных «по амнистии». У польских граждан, освобожденных из тюрем, трудовых лагерей, ссылок, отнимали документы — «удостоверения» (справки о польском гражданстве) и призывали их в Красную Армию. В связи с этим в посольство и в штаб армии поступали сотни сообщений, жалоб, просьб о вмешательстве. К началу апреля 1942 года Советское правительство издало приказ о призыве в стройбатальоны всех учетных польских граждан. Генерал Воликовски, военный атташе польского посольства, сообщил генералу Андерсу: «Яковицкий из Кирова подтвердил предыдущее сообщение о призыве в стройбатальоны призывников польской национальности с изъятием удостоверений об амнистии. Военкомат в Кирове разъяснил, что включение поляков в стройбатальоны имеет целью облегчение их передачи в дальнейшем организованном способом в Войско Польское, что является очевидной уловкой. Без доку-

ментов о польском гражданстве невозможно будет их найти. Имеются аналогичные сообщения, подтвержденные документально, из саратовского округа. Ясно, что это повсеместное явление». (13) Использовались еще более простые методы: «В последнее время в шести регионах, в разных военных округах, отмечено изъятие милицией у наших граждан польских документов, так называемых «удостоверений»... в некоторых местах вместо отобранных выдают временные удостоверения личности, в которых нет упоминания о польском гражданстве, либо не выдают ничего. Затем призывники требуют на советскую комиссию». (14)

Ни справедливости, ни чести

Чуть позже, 18 марта 1942 года, непосредственно во время переговоров Андерса со Сталиным в Москве, Сталин дал очередное обещание перевести польских граждан из стройбатальонов и Красной Армии в польскую армию.

Андерс: «Пршу передать в польскую армию поляков из стройбатальонов и Красной Армии, в соответствии с обещаниями господина Президента.» Сталин: «Можем их отдать, но их нужно кормить, а у вас нет продуктов». Андерс: «Там есть отличный молодой солдатский материал. Самых сильных оставим у себя в числе 44000, а остальных эвакуируем». Сталин: (записывает) «Хорошо, отдадим их...» Андерс: «Господин Президент, позвольте подытожить нашу беседу.» Сталин: (кивает)... Андерс: «В связи с эвакуацией и ограничением армии до 44000, набор не будет задерживаться и поляки из стройбатальонов и Советской Армии будут уволены и направлены в польскую армию.» Сталин: «Да.» (15)

Дипломатические ноты, письма, ссылки на договоренности — ничто не приносило успеха. 14 мая 1942 года нарком иностранных дел Молотов вручил послу Станиславу Коту ответную «персональную» ноту, в которой читался: «Ссылка в Вашей ноте на то, что якобы Председатель Совета Народных Комиссаров СССР И.В. Сталин в разговоре с генералом Андерсом подтвердил, что набор польских граждан в польские военные формирования будет продолжен, а польские граждане, находящиеся в Красной Армии будут направлены в польскую армию, а затем эвакуированы на Ближний Восток, основана на недора-

зумении. И.В. Сталин в беседе с генералом Андерсом этих тем не касался... Что касается затронутого в ноте вопроса о случаях призыва польских граждан в ряды Красной Армии и «стройбатальоны» вместо отправки их в польскую армию, то считаю необходимым заявить, что к призыву в Красную Армию и «стройбатальоны» подлежат только советские граждане.» (16) Несколько месяцами позже во время обсуждения вопроса о поляках в советском обмундировании при встрече в британском посольстве Владислав Андерс сказал Черчиллю: «Не было в России ни справедливости, ни чувства чести, ни человека, на слово которого можно было бы положиться.» (17)

Акция сбора данных для реферата об интервенции, проводимая с осени 1941 года по апрель 1942 года, после обещания перевести поляков в польские вооруженные силы, была заметно заторможена. Совпало это с первой эвакуацией польских войск из СССР. Верили обещаниям Сталина и Панфилова, надеялись, что мобилизованные в Красную Армию поляки будут вывезены в следующий раз. Определенные надежды связывались с проводимой весной 1942 года советскими властями кампанией «увольнения» поляков из военных лагерей. Быстро выяснилось, что это было показное мероприятие. Уволенных отправляли на другие принудительные работы, они не освобождались от службы в Красной Армии. Большинство имело советские паспорта, или вообще было лишено каких-либо документов, им было запрещено переезжать, или требовалось являться в райвоенкоматы на другом месте. В этот период — весна и лето 1942 года — шла борьба за выезд из СССР максимального числа людей — гражданских и ранее согласованного числа в 96 тысяч солдат. Ситуация становилась все более и более напряженной. Второй этап эвакуации польских войск происходил в августе 1942 года. В это время слабая надежда вырвать поляков из Советской Армии окончательно исчезла. Эвакуация спасенных была катастрофой для сотен тысяч оставшихся. Ликвидировались представительства, центры опеки и помощи, пункты сбора и передачи информации.

В процессе двух эвакуаций удалось вывезти из Советского Союза 114462 человека (в том числе 37272 штатских), что составило около 7 процентов из оценочной численности в 1,5-1,7

миллиона польских граждан. Из стройбатальонов и подразделений Красной Армии удалось освободить около 840 человек, не считая нескольких десятков неизвестных беглецов, точное число которых установить невозможно. (18)

После эвакуации войск в Пехлеви польское призывное учреждение было окончательно ликвидировано в ноябре 1942 года. Посольство в Куйбышеве функционировало до апреля 1943 года. Известно, что к моменту разрыва дипломатических отношений в СССР оставались несколько сотен тысяч польских граждан в лагерях, тюрьмах, местах ссылки, разных видов стройбатальонах, на поселениях. Все надеялись вырваться из неволи, требовали помощи, но возможности вмешательства польских властей с каждым днем уменьшались. Советский процесс мобилизации продолжался. Освобожденные из лагерей попадали в стройбатальоны и трудфронты.

Приудительное гражданство

Посольство в Куйбышеве получало сотни писем с просьбами о помощи, подобных письму Яна Романюка, адвоката из Крженецкого уезда от 23 ноября 1942 года:

«Как гражданин Польши, я был освобожден из лагеря в г. Норильске 6 сентября 1941 г. по амнистии... по не зависящим от нас причинам ненадолго задержался в Кувандукском районе Чкаловской области, где был неожиданно мобилизован Медногорским райвоенкоматом в рабочие колонны в поселке Никитино. Напоминаю, что все мои личные документы и военное удостоверение были изъятые НКВД при аресте, удостоверение об освобождении из лагеря, как польского гражданина по амнистии, — отобрано Медногорским райвоенкоматом, который в возврате такового мне отказывает.» (19)

По данным посольства Польской Республики в Куйбышеве от октября 1942 года: «...Общее число польских граждан, насильно мобилизованных в РККА, составляет 320000 человек. Это число подтверждается числом призывных транспортов из отдельных уездов. Кроме того, эти расчеты подтверждают польские граждане, которые к весне с.г. оказались в т.н. строительных батальонах, рабочих батальонах вследствие выделения их из РККА, в основном из фронтовых частей, как ненадежного в

политическом смысле элемента.» (20)

В трудфронты сначала брали мужчин, затем молодежь обоих полов, а в конце стали мобилизовывать и женщин, зачастую матерей малолетних детей. За отказ подписать повестку сажали в тюрьму (срок до 6 лет), либо принудительно отправляли работать на шахты. Отказы идти на трудфронт были очень часты, приговоры выносились все чаще и на все больший срок. Зигмунд Срочинский в работе «Поляки в России» приводит данные по Актюбинской области с осени 1942 по апрель 1943 года. На 7971 поляков (мужчин, женщин и детей) число мобилизованных превышало 2000 человек. Процесс призыва на трудфронт сопровождался присвоением советского гражданства. В марте 1943 года поляки из района Актюбинска коллективно протестовали против отношения к себе, как к советским гражданам. Организовано, с лением патриотических песен, пришли к зданию НКВД с заявлением о том, что являются гражданами Польши. Было арестовано и посажено около 1000 человек. (21)

Бежать или нет?!

Вот отрывок из письма *Галины Чухневич* своей матери Янины. Письмо написано 14 ноября 1942 года из стройбатальона 5-го участка на станции Никельтан:

«Любимая мама, спасибо за письмо и посылку. Очень много радости приносят мне ваши письма. Сделайте что-нибудь, чтобы я могла к вам вернуться. Сегодня воскресенье, говорят, что через несколько дней мы будем дома, но Бог их знает, что будет... Хлеба нет, дают по 400 грамм всем, хотя и норму выполняешь. Все хуже. Ох, хоть бы быстрее вернуться. Напиши, что делать, бежать или нет? Обязательно напиши. У нас наступили холода. Так холодно, холодно. Что мы будем делать? Требуйте, а то погибнем. На отпуск и не надеюсь. Не хотят разговаривать с нами, только на работу гонят... Напиши, бежать или нет? А то в письме пишешь, чтоб бежала... Целую крепко, Галя.»

Из письма *Станиславы Пуделковой* с просьбой к посольству о вмешательстве в судьбу арестованных на трудфронт одиноких матерей:

«Прошу как можно быстрее сообщить, как нам поступать в случае принуждения нас к выезду, ведь в списке лиц, помеченных к выезду, фигурируют 4 польки: у Янины Гер 3-летний

ребенок, у Чеславы Чаплинской — 6-летний, у Софьи Белух — 11-летний, а Антонине Тобольской 49 лет.»

Из письма *Богдана Брудка и Станислава Хаврота* доверенному представителю в Мартуку, 29 сентября 1942 года:

«Сегодня в наш поселок приехал заместитель председателя райисполкома и сказал, что поляки должны ехать, что подлежащим обязательной мобилизации в СССР, так как наше правительство, по согласованию с СССР, приказало мобилизовать поляков, что этот приказ имеется у Вас, и что на основании этого приказа многие поляки высланы Вами на работы... Если есть такое распоряжение и польские граждане должны ехать, они просят Вас помочь обувью, теплым бельем, одеждой. У Станиславы Хаврот совсем нет обуви и теплого пальто, Мария Брудка без обуви и белья, Агнешка Брудка без обуви, белья и теплого пальто, Ян Герчицки без обуви, белья, одежды и одеяла. Мошек Мондельцевейг без белья и одеяла.» (22)

Сколько их уцелело?

С армией Берлинга-Жимерского вернулось в Польшу около 35 тысяч человек, после войны из-за линии Керзона прибыли около 70 тысяч демобилизованных солдат. В сумме — 105 тысяч. Значительно труднее сосчитать число уволенных или бежавших из Советской Армии и вернувшихся за продвигавшейся на запад армией. Неизвестно также число тех, кто пройдя через Красную Армию и военные лагеря, вернулся во время репатриации поляков из СССР в 1945-1959 годах. Скорее всего, уцелевших в войсковых ГУЛАГах было немного. Сколько из них дожило до конца второй Мировой войны? Что стало с выжившими? (23)

Следует помнить, что в число 105 тысяч уцелевших входит огромный процент из 80 тысяч поляков, призванных в Красную Армию в 1944-1945 годах с западных территорий Украины и Белоруссии из очередных призывных возрастов. Если, приблизительно, почти равны число демобилизованных после войны из Советской Армии (70 тысяч) и число мобилизованных на Украине и в Белоруссии (80 тысяч), а из армии Берлинга-Жимерского пришло 35 тысяч, то, в соответствии с данными Куйбышевского посольства (320 тысяч, октябрь 1942 г.), остается около 285 тысяч польских граждан, раньше приписанных к Красной Армии.

Это приближение не учитывает мобилизованных в различные трудовые батальоны и наборы в период, когда бюро информации из Куйбышева не действовало. В армию Берлинга попала лишь часть польских граждан, распыленных первоначально в формированиях Красной Армии, из наборов более позднего периода, частично те, кто не попал в армию генерала Андерса и кого мобилизовали на трудфронты в 1942-1943 годах.

Сколько следует прибавить к 320 тысячам из мобилизованных и направленных в трудовые лагеря между октябрём 1942 и 1944 годом? Если только в одной Актюбинской области из почти 8 тысяч в течение полугода было мобилизовано более 2 тысяч человек, а многие оказались в заключении, то имеем право утверждать, что это число в масштабах всей советской страны равно десяткам тысяч. Что с ними случилось? Сколько попало в Польскую Народную Армию? Сколько из них погибло в походе на Берлин? Какого порядка эти числа?

Ответы на эти вопросы наверняка скрываются в советских архивах НКВД, в военных документах Советского Союза, частично в польских военных источниках. Из открывающихся сейчас свидетельств может быть еще удастся узнать правду.

Смотри, как Бог горит!

Сообщение *Станислава Кеторакиса* из стройбатальона в Нижнем Тагиле от 8 марта 1943 года.

«Коварно и насильно забрали меня русские в армию 11 ноября 1940 года, погрузили в вагон, двери и окна зарешетили, энкаведисты с автоматами охраняли, чтобы никто не сбежал. Везли нас 17 дней в глубь России, так, что человек не мог сориентироваться, в каком направлении везут, и 10 дней пить и есть абсолютно не давали, даже из вагона нельзя было выйти ни на шаг. Если кому было невтерпеливо, то энкаведист отпускал двух человек на 3 метра от вагона, а сам вставал с автоматом над головами. В армии я был 8 месяцев в артиллерии в городе Краснодаре, полк назывался 302 КГАП. Пища была ужасной, постоянно рыба, и рыба гнилая, иногда каша на подсолнечном масле. Отношение в армии к полякам было грубым, только углом глаза откроешь, сразу услышишь: ты, польская морда! А еще сюда постоянно вплетали коммунизм, только им это не

очень удавалось, не было идиотов, чтобы слушать.

Однажды заметили, что я читал божественную книгу, тут бросились ко мне их офицеры, отняли у меня книгу и четки, которые я привез из Польши. И за это таскали меня энкаведисты: зачем это я имею, объясняли мне, что у них в Бога не верят, и я должен к ним приспособляться, а я им ответил, что не приспособлюсь к ним. Со злости они эту книгу и четки порвали на моих глазах, бросили в печку и сказали: смотри, как твой Бог горит, а меня после этого как-то оставили в покое.

Со временем вызвали меня к начальнику НКВД, и этот прицепился ко мне, что я, уходя в армию, оставил много военного оружия, чтобы отдал им. Но это им не удалось, потому что я вины не признал, а доказательств у них не было, и оставили меня в покое. Аж 20 июля 1941 года выехали на немецкий фронт под Киев, стояли в тылу, в резерве, через пару дней им что-то взбрело в голову, и всех поляков отозвали из армии, отняли одежду и отправили пешком в глубь России. Во время этого путешествия ни есть, ни воды вообще не давали, а если кто-то от голода не мог идти, энкаведист из автомата застрелил одного такого, я сам был свидетелем. Во время этого похода 15 поляков было расстреляно. В конце добрались мы до станции Прилуки, где нас погрузили в вагоны как скот — по 80 человек, закрыли решетки и энкаведисты с автоматами везли нас 15 дней. Есть давали раз в три дня. Завезли на Урал, в город Нижний Тагил. Там сделали из нас рабочие колонны. На работу гнали в 4 утра и до 10 вечера в 40-градусный мороз, везли под автоматами. Кормили очень плохо, 400 грамм хлеба и чай без сахара на завтрак, на обед пол-литра мутной воды, это был суп, на ужин кусок гнилой рыбы. На работе нормы назначали невозможные, к тому же одежда была плохая, обуви не было, только тряпками ноги закручивали. А смерть и муки были на каждом шагу, так что много поляков умерло. С мертвых срывали одежду и голых бросали в канаву.

Жильем был выкопанный в земле длинный ров, покрытый деревом и землей, отопления никакого не было. Жили так в этой рабочей колонне с августа 1941 до февраля 1942 года, когда однажды вечером Господь прислал к нам польских представителей, которые нас из этой

колонны вырвали и так закончилась эта беда.»

Остров смерти

Сообщение Яна Климовича из стройбатальона на острове Нарчин в Каспийском море, заливанное Казимежем Галусинским 10 апреля 1943 года в английском лагере вблизи Басры на Персидском заливе.

Климович Ян, родился в 1919 году, римско-католической веры, по национальности поляк, проживал в деревне Велькавесь Свентянского уезда Виленской губернии. Окончил 4 класса начальной школы. Отец — крестьянин, имел 4 гектара земли.

Объявленный в газетах осенью 40-го года набор призывников 1917, 1918, 1919 годов рождения в Красную Армию жители восточных земель встретили с отчаянием.

Призывники уклонялись бы от службы побегам, если бы не угроза советских властей вывезти в Сибирь семьи дезертиров (был такой случай в соседней деревне).

Климович и три его товарища из Велькавеси 7 октября 1940 года получили повестки на призывную комиссию в «районе», которая Климовича и одного товарища признала годными, а двух забраковала.

Вскоре он получил приказ явиться 20 октября 1940 года на сборный пункт в городе Константинове. Было сказано взять с собой пищи на два дня и две пары белья.

Из Константинова группу около 500 польских граждан отправили в Вязьму. Двигались 5 дней. На советских станциях добавляли в группу советских призывников. Кормили «чаем» и хлебом.

В Вязьме разделили группу на части, отправили в разные места. Климовича с группой, в которой было 40 польских граждан, отправили на Кавказ. Через 6 дней пути (питание было чуть лучше) поезд встал на железнодорожной станции Маладжар под Баку, потому что комендант поезда, мертвецки пьяный, потерял документы и было неизвестно, куда отправлять транспорт. Остановка продолжалась два дня, после чего отвезли призывников в Баку и разместили в царских казармах вместе со 105 пехотным полком.

Климович оказался вместе с тремя товарищами из Свентянского уезда, (все они, как и Климович, служат сейчас в Войске Польском). То были: Виктор Кавяка и Казимеж Островски, направленные позже в пошвоч-

ную мастерскую, и Бронислав Руды, направленный в 105 пехотный полк. Климовича направили в конную разведку полка.

Вскоре после прибытия в казармы всех новобранцев погнали на занятия. Гоняли, по словам Климовича, так, что «солдат уходил весь мокрый». Через месяц принимали присягу. Офицер читал текст по книжке, солдаты должны были повторять. Климович не повторил, потому что не понимал по-русски. После прочтения текста каждый солдат подписью подтверждал, что принял присягу. Климовичу не позволили подписаться по-польски. Взятый за руку, поставил какие-то каракули, которые были ему чужды.

После присяги началась настоящая служба с караулами и усиленной дисциплиной, которую Климович называет «железной» и главной чертой которой является отсутствие свободы передвижения, шпионский надзор и суровая кара за малейшие отклонения. Чтобы пойти в уборную, нужно доложить и получить разрешение. Первым наказанием за первое мелкое нарушение (например, минутное опоздание на построение, выход из барака без разрешения) был дополнительный 24-часовой наряд вне очереди. Второе наказание уже устанавливал «товарищеский суд». (Судил, конечно, не весь полк, а группа из членов партии, а весь полк поднимал руки). Третья провинность шла уже под полевой суд, который назначал драконовское наказание. Например, за опоздание в пределах часа можно было получить несколько лет. Опоздание больше часа квалифицировалось уже как дезертирство с минимальным сроком в лет.

НКВД имело шупальца по всему полку. Климовича неоднократно вызывали на «беседы» с предложениями шпионить за товарищами. Когда через переписку узнали, что Климович был в Польше в Войске Польском, «беседы» превратились в допросы про ОЗОН, про Союз стрелков, в угрозы, усиленные битьем револьвером по лицу. Делал это заместитель начальника полкового НКВД.

Отношения с товарищами сначала были плохими. Полякам нельзя было разговаривать с русскими, а те, со своей стороны, очень интересовались сведениями из Польши (Били вас в Польше? Мучили?). Рассказы о том, какой была жизнь в Польше на самом деле, вызывали сначала недоверие, потом сильное удивление. Понемногу отно-

шения с рядовыми русскими наладились, что усилило, однако, надзор со стороны чинов. Эти с самого начала считали поляков врагами, выражая зачастую это отношение на практике.

Служившие в полку нерусские к полякам были доброжелательны, — сами чувствовали себя в армии плохо. Армяне бежали в Турцию, туркмены — в Иран.

Отношение местных жителей к армии было враждебным. Частый русский солдат, заблудившись в пригороде, исчезал.

Снабжение и условия жизни были терпимыми: кровать, матрац, простыня, смена белья через 10 дней.

Питание недостаточное. «Солдат съит никогда не был». Утром гороховая каша и кружка «чая», в обед суп и каша. Вечером селедка и «чай», либо каша и «чай». Хлеба 750 грамм.

24 июля 1941 года собрали всех польских граждан 105 пехотного полка, отобрали ремни, сапоги, гимнастерки и выдали рваную одежду, после чего вывезли всех на судне на остров Нарчин в Каспийском море. Вывезенных назвали рабочим батальоном, а в действительности они были заключенными. Батальон насчитывал сначала 1000 человек, вскоре неполяков стали отправлять в иные, неизвестные Климовичу места, и в конце осталось на острове только 200 польских граждан, из них около 100 коренных поляков.

Работа заключалась в строительстве трех наземных бетонных укрытий (одно для боеприпасов, второе для склада, третье для личного состава. Размеры одного 16x16 метров, двух 8x8 метров, все глубиной 8 метров) и четырех площадок для зенитной артиллерии.

Во всех этих ямах на глубине около 70 сантиметров работающие докапывались до пластов из человеческих тел (подчеркнуто записавшим сообщение).

Можно было распознать военную форму, офицерские ремни, красноармейские пуговицы. В котловане, в котором работал Климович, пласт состоял как минимум из 200 трупов. «Ходить было мягко, как по болоту». Приказано было засыпать трупы песком и залить бетоном, а работу перенести в другое место. Охрана объяснила, что «в той войне были большие бои с англичанами».

Климович наткнулся однажды на два голых высохших трупа, придерживаемых скалой в стоячем положении. На одном были следы выстрела в висок, на другом — в грудь.

Часть работающих жила в не-

большом бараке, остальные — в палатках на голой земле.

Отношения — как в лагере, дисциплина неумолимая. Однажды во время шторма сержант из охраны разрешил семи полякам, работавшим под его надзором, прекратить работу и спрятаться за скалу. За это его отдали под суд. Вывезенный на суд с острова, он был, как объявили, приговорен к смерти.

Питание: 250 грамм сухарей (хлеба и не видели) и три раза в день суп как вода. Заболеваемость росла угрожающе, особенно дизентерией. Климович также болел дизентерией, и лежал под скалой у моря, «ожидая Божьей милости», как все больные, ибо медицинской помощи не было совсем.

Зимой 1941-1942 года истощение и отчаяние привели к тому, что среди заключенных стали наблюдаться случаи самоубийств. Например, украинец Шапайда, польский гражданин из Тарнопольского уезда, больной, признанный симулянтом, совершил самоубийство, утопившись в море. Невыносимый труд, недостаточное питание, несчастные случаи и самоубийства привели к смерти 50 человек. Когда покидали остров, из 200 польских граждан оставалось 150. Климович уверен, что все распрощались бы с жизнью, если бы подольше оставались на «острове смерти».

В начале февраля 1942 года несчастные были спасены приказом перевести определенное число приговоренных с острова Нарчин на остров Пешган в Каспийском море, где условия труда, надзор и издевательства не изменились (из барака можно было выйти только на работу), но улучшилось питание. Впервые за 6 месяцев вместо сухарей появился хлеб — 500 грамм в день.

На этом острове было 120 польских граждан, в том числе 15 коренных поляков.

Строили укрытия, как и на предыдущем острове. Только здесь не было камня, его привозили на судах, потом заключенные тачками транспортировали его на место работ.

В середине марта 1942 года наступили дальнейшие изменения в составе заключенных. Пришли новые транспорты, а из старого состава выделили 45 «рабочих», в том числе Климовича и еще несколько польских граждан, которых леревезли в Баку для работы на заводе, изготавливающем металлические заготовки для строительства укреплений.

Здесь им было назначено воз-

награждение за работу, но ни разу ни копейки не заплатили. Питание было плохое, но время от времени группы, посылаемые в порт на перегрузку консервов, возвращались с «богатой добычей», которая после братского раздела утоляла голод.

В июле 1942 года был сформирован транспорт из 170 польских граждан, бывших солдат Красной Армии, в том числе 37 коренных поляков, и перевезен на турецкую границу. Здесь Климович увидел большую концентрацию советских войск всех родов оружия; находящийся в постоянной боевой готовности. Была уверенность, что в любой момент может начаться турецкое наступление. Со стороны границы был слышен частый обмен выстрелами, особенно ночью и днем при смене постов. Пало при этом много советских военнослужащих: на отрезке, где находился Климович, погибли от одного турецкого залпа во время обхода границы майор, капитан и три солдата. Работа заключалась в строительстве бетонных гнезд для пулеметных точек, площадок для орудий, противотанковых и противопехотных укреплений.

Жили в бараках в одном километре от границы. Питание составляли 700 грамм хлеба и три раза в день суп.

Здесь впервые выдали вознаграждение за труд. Было объявлено, что платить будут в соответствии с выполненной работой, но платили так произвольно, что никто не мог сориентироваться, кто сколько и почему так мало получил. Тратили на содержание, налоги и различные «добровольные» взносы.

С приездом на границу дошли до поляков повторные вести (первые туманные — в Баку) о формировании польской армии на территории СССР. Были возобновлены усилия, начатые в Баку, по увольнению и отсылке в польскую армию, однако снова безрезультатно. Потеряв терпение, послали четырех товарищей в военкомат (сбежали тайно из барака). Их принял энкаведист в высоком звании, который, выслушав их, впал в великий гнев, что поляков(!) допустили к опасному участку турецкой границы. После обмена мнениями по этому вопросу между военными и НКВД неожиданно последовало увольнение всех 37 коренных поляков. Польские граждане еврейской, украинской, белорусской национальностей уволены не были.

Среди этих тридцати семи были трое поляков советского гражд-

данства, которым раньше удалось встать на учет как польским гражданам. Это были: Антоний Шибловски из Минска, плохо говоривший по-польски, Владислав Грабовски из Одессы, который, примкнув к полякам, совсем не знал языка, но быстро выучил, потому что не позволяя товарищам разговаривать с собой иначе, чем по-польски, и Зельский из Одессы, тоже слабый в языке. Эти трое вместе с другими поляками прибыли войсковым транспортом из-под турецкой границы через Тбилиси в Баку, а оттуда морем в Красноводск, где впервые увидели польских солдат. Отсюда их отослали в Гузар.

Климович на момент дачи этих показаний служил во второй батарее Седьмой Польской Армии Людовой в гарнизоне Киркука.

На острове Ульф был поляк Стефан Кезун из окрестностей Квилишека (40 километров от Свентян), взятый в Красную Армию вместе с Климовичем. НКВД забрал его с этого острова, и после этого следы его затерялись.

Кроме приведенных имен, имена других товарищей, служивших с ним в Красной Армии и в рабочих батальонах, Климович не напоминает, что объясняет ужасными условиями и озверением жизни на этих островах («мы не пользовались именами, потому что не были людьми») и голоданием мозга, который «перестал запоминать».

Примечания

1. «Восточные земли Польши под советской оккупацией» Лондон, сентябрь 1943, отпечатано на стеклоглафе. Министерство информации и документации Collection, Box 231, F.4 и «Депортация населения с польских территорий, оккупированных СССР» Лондон, октябрь 1943, отпечатано на стеклоглафе.

2. Бюро документации Польских вооруженных сил разработало эти данные на основе приблизительного числа призывников одного года. Принято, что один призывной год давал около 70 тысяч человек. В Красную Армию призывали полностью 1917, 1918, 1919 и частично 1920, 1921, 1922 года рождения. Призывные комиссии вносили в списки рекрутов около 80 процентов призванных, зачисляя независимо от состояния здоровья. Эти данные сравнивались с транспортом, отбывающими из отдельных районов.

3. «Депортация населения с польских территорий, оккупиро-

ванных СССР» Лондон, октябрь 1943. Министерство информации и документации Collection, Box 231, F.4. Не встретила никаких данных, касающихся направления молодежи 1923-1925 годов рождения в школьные лагеря принудительного труда. По-видимому, они остаются за пределами 210 тысяч мобилизованных в 1939-1941 годах.

4. Извлечение из сводки Министерства информации и документации Collection, Box 85, F.4.

5. Мечислав Савицки бежал из лагеря в Кагане 17 мая 1942 года.

6. Извлечение из протоколов. Посольство СССР Collection, Box 18, F.105

7. Из некоторых батальонов увольняли отдельных солдат, исключительно польской национальности. Попытки перехода в польскую армию заканчивались чаще всего арестом солдата как «врага Советского Союза». «Поляки в Советском Союзе», отпечатано на стеклоглафе, стр. 24. Министерство информации и документации Collection, Box 37, F.2. «Стройбатальоны»

9. Из рапорта бригадного генерала Воликовского, военного атташе при посольстве Республики Польша в Куйбышеве, 15 марта 1942 года. Anders Collection, Box 76, док. N1259

10. Стройбатальоны, машинопись. Посольство СССР Collection, Box 10, F.«Стройбатальоны».

11. Стройбатальоны.

12. Anders Collection, Box 76, док. N 1259 Посольство СССР Collection, Box 10, Общий отчет Отдела интервенции, Box 18, F.104.

Примеры данных от весны 1942 года: в Куйбышевской области, в 743 ОСВ в Волгаре (Кряж) работало около 1500 польских граждан, среди них много евреев и украинцев; в 757 ОСВ в Безенчук — около 900 польских граждан; в Ульяновской области в 816 ОСВ Ульяновск — около 1100; на строительстве железной дороги Киров-Горький — около 300; в Котельниках под Кировом — около 10 тысяч; в Суслонгере Казанской области — около 1000; в Киме, около Сорочи — 500; в лагере Тобольская (Иртыш) — около 200; на Ниловой Пустыни (остров на озере Селигер) в Калининской области было около 6000 полицейских; несколько тысяч вблизи Орджоникидзе; около 1000 в районе Борисоглебска.

13. Телеграмма генерала Воликовского генералу Андерсу и

генералу Богушу датирована 8 апреля 1942 года. Посольство СССР Collection, Box 37, F. 2 «Стройбатальоны».

14. Из письма генерала Воликовского начальнику штаба Войска Польского в Лондоне, 11 апреля 1942 года. Посольство СССР Collection, Box 18, F. 104.

15. Фрагменты протокола переговоров в Кремле. С польской стороны, кроме Андерса, был полковник Окулицкий, который вел протокол, с советской стороны, кроме Сталина — Молотов. Посольство СССР Collection, Box 18, F. 104.

16. Протокол переговоров в британском посольстве в Каире, 22 августа 1942 года, F. 105.

17. Материалы куйбышевского посольства говорят о числе около 500 лиц, призванных ранее в Красную Армию, которые вышли с армией генерала Андерса. В Побур-Малиновский дает цифру 840. «Новейшая политическая история Польши». Лондон, 1981 год, т. 3, стр. 228.

18. З.В. Срочински, «Поляки в России», машинопись 1943 г. Посольство СССР Collection, Box 45.

19. Набор польских граждан в Красную Армию в Польше, оккупированной СССР. Машинопись, октябрь 1942 года, Министерство информации и документации Collection, Box 85, F.4.

20. З.В. Срочински, «Поляки в России».

21. Отрывки из писем и записок — см. 19.

22. Сведения, касающиеся возвращающихся с армией Берлинга, спорны. Советские источники говорят о 20 тысячах, польские эмигрантские источники — о 35 тысячах (см. Ю. Седлици «Судьбы поляков в СССР в 1939-1986 годах» Лондон, 1988). Сведения из источников о числе польских граждан, призванных в советскую армию после 17 сентября 1939 года также спорны и исключительно неясны. Это отчетливо показывают статистические сравнения Юлиана Седлицкого («Судьбы поляков в СССР в 1939-1986 годах»). Многие исследователи в работах, касающихся численности поляков, оставшихся и погибших в СССР, не уточняют эту группу жертв. Там, где данные приводятся, иногда они касаются польских граждан, иногда — коренных поляков.

по материалам польского журнала «Karta»

Перевод Владимира ДЫЛЕВСКОГО

Борис КУЯВА:

«На их месте мог быть и я...»

Почти полвека хранил в своем домашнем архиве житель западногерманского города Мюнстера Борис Куява несколько фотографий советских офицеров и простых русских женщин.

Эти снимки он, солдат вермахта, подобрал на поле боя в 1944-1945 годах. И сохранил,

понимая, что война когда-нибудь закончится, и в далеких российских городах и селах будут страдать женщины, ничего не знающие о судьбе дорогих людей. Борис Куява очень надеется, что эти скупые сведения о погибших солдатах помогут кому-то обрести душевный покой.

В 1944 году я, 19-летний солдат, служил в вермахте в качестве кавалериста-связиста. Несмотря на молодость, вдоволь успел нахлебаться военных «прелестей» и начал задумываться о происходящем. Осенью, недалеко от польского города Остроленка, немецкая батарея зенитной артиллерии вела ожесточенный обстрел русской эскадрильи, пытавшейся прорваться на запад. Я был направлен на батарею со срочным приказом. Звено советских штурмовиков ИЛ-2 вновь атаковало подразделение. Напорившись на шквальный огонь, три самолета развернулись обратно. Неожиданно в тыл батарее зашел четвертый ИЛ на бреющем полете и открыл прицельную стрельбу. Началось замешательство, поднялся крик.

Артиллеристы еле успели развернуть одно орудие и принялись палить почти наугад. И, как бывает в таких странных случаях, попали. Машина рассыпалась по полю на сотни частей. Погибшие летчики лежали совсем рядом. От удара бензин выплеснулся, и куртки пилотов запылали. Я с несколькими артиллеристами быстро сбил пламя землей. Поскольку я немного читал по-русски, офицер приказал мне забрать личные вещи погибших и сделать для штаба перевод обнаруженных документов — там могла быть важная военная информация. Пока я делал перевод, вернулось звено ИЛов и принялось кружить над местом катастрофы. Совсем как орлы над телом подстреленного сородича, — подумал я тогда. Вскоре их отогнали плотным орудийным огнем.

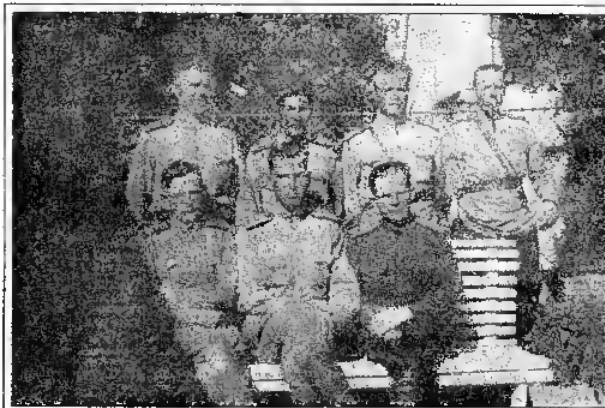
Кроме удостоверений, которые вместе с переводом были отправлены в штаб, я нашел у летчиков несколько слегка опаленных фотографий. Прекрасные женские лица смотрели на меня со снимков. Мне стало невыразимо жалко этих женщин, которые никогда не узнают, где погибли их любимые. Я уже забыл о том, что всего лишь несколько минут назад сам мог стать жертвой этого налета — передо мной была человеческая драма...

Рядом с лежащими летчиками я принялся копать две могилы. Артиллеристы поначалу недоуменно наблюдали за происходящим, затем двое-трое взяли за лопаты. Скоро могилы были готовы. Я устроил холмики, стороны прикрыл дерном. Погибшие были русскими, значит негоже их хоронить под католическими крестами. Я имел представление о православных надгробных крестах и, изрядно повозившись, изготовил их. На кусочках картона написал фамилии погибших, на соседнем поле нарвал два букетика грустных желтых цветов. Ведь на месте этих парней мог быть и я...

Недалеко от города Zamoly, в Венгрии, в январе 1945 года, мы попали в серьезную переделку. Более суток шел ожесточенный бой. Ранним вечером мы ползком перебирались к недалекому лесу через поле. В неглубокой воронке лежали русские артиллеристы-наблюдатели — старший лейтенант и солдат-теелефонист. Похоже, они погибли совсем недавно. На гимнастерке офицера был орден Отечественной войны II степени. Его документы я взял для перевода, а фотографию оставил себе. Вскоре начался обстрел, и я не мог похоронить этих людей — необходимо было двигаться дальше...

Эти фотографии я хранил много лет. Несколько раз я хотел передать снимки в Советский Союз, но, наслушавшись историй о бездушности тамошних чиновников, отказывался от этой затеи. Ведь я хотел помочь конкретным людям, а чиновники эти снимки могли просто бросить в ящик канцелярского стола.

Недавно я узнал о работе общества «Мемориал» и журнала «Карта», и с радостью передаю материалы вам. Очень надеюсь, что еще возможно найти родных и близких погибших солдат. И хочу попросить вот о чем: если розыски будут успешными, сообщите, пожалуйста, мне об этом...

Боевые товарищи Петра Слододенко. Фотография найдена у сбитого самолета. Осень 1944 г.

Подполковник
ПЕТР СЛОДОДЕНКО,
летчик ИЛ-2, сбитого
под Остроленкой
(Польша). Осень 1944 г.

«На память брату Пети от
сестры Нади
4/VII-41»

«В знак нашей дружбы Пети
от Полины
29/I-44год»

«Если встретиться нам не придется...»

«От Ани Вани.
Если встретиться нам
не придется.
Если так не постигнет судьба.
Пусть на память тебе остается,
неподвижная личность моя.
г. Муром
17./V-44 г.»

Иван ?,
старший сержант,
стрелок-радист(?)
самолета ИЛ-2,
сбитого осенью
1944 года под
польским городом
Остроленка.

«Если хочешь любить, то люби,
но не любовью XX века, полюби
не черты молодого лица, полюби
самого человека.
Ванечке от Гали.
Муром 1/II-44 г. »

«Ване от Маруси.
г. Фергана 1944 г.»

Герман КРАУЗЕ

Пятилетка в советском плену

Сегодня я часто вспоминаю годы своей молодости, особенно, когда мы собираемся с друзьями в нашем нинбергском союзе "Родина". Нас объединяет очень многое — годы в российском плену.

Недавние публикации в немецкой прессе вызвали из памяти яркие воспоминания о почти пятилетнем пребывании в различных рязанских лагерях НКВД.

Рязань, город на Оке, никогда во время войны не находился в центре общественного внимания, как, например, Орел, Харьков или Сталинград, потому что немецкие войска до него не дошли.

Недавно я посетил фотовыставку о Рязани в мюнстерской сберегательной кассе: плохие дороги, забитые водостоки, осыпавшаяся штукатурка домов — все это я видел еще 45 лет назад, будучи военнопленным. Морозы в Рязани начинаются порой в начале октября, а последний лед мы, военнопленные, кололи перед всемирным праздником 1 мая. Шесть месяцев крепких морозов — очень долгое время.

Теперь о лагерях в Рязани и вокруг нее. Громадный основной лагерь находился в двух километрах от центра, на выезде из города и имел номер 454 (ныне — ИТК в пос. Ворошиловка — РЕД.) К нему относились еще более двадцати подчиненных лагерей, расположенных в Рязанской области. Названия некоторых я запомнил: Сельмах, Агроном, лесной лагерь Назаровка, Мирмино и другие. (См. справку "Карты" — РЕД.)

Большинство военнопленных состояло из солдат разгромленной в 1944 году "Центральной группировки". Русские называли их "старыми пленными" в отличие от "капитуляционных пленных". Число военнопленных в основном лагере Рязани колебалось между 8 и 10 тысячами человек. В нем находились представители всех наций, вынужденных воевать за Гитлера.

Тот, кто пережил плен только в основном лагере, мог считать, что ему крупно повезло. Русские давали немецкому руководству лагеря относительную свободу действий. В основном лагере была своя пекарня, сапожная и пошивочная мастерские, кухня, лазарет, операционный барак. Я сам был прооперирован там. Кроме того, существовала группа из самодельных актеров и лагерьный оркестр. Продовольственное снабжение соответствовало единым нормам, установленным для пленных. В основном лагере Рязани, по крайней мере, было ощущение, что эти правила снабжения выполняются.

Совсем по-другому было в подчиненных лагерях, особенно в лесных. Там командовали отбывающие наказание функционеры, офицеры и чиновники. Вместе с военнопленными за колючей проволокой находились освобожденные из немецкого плена красноармейцы, партизаны из Восточной Европы, репатрианты.

Процветала утайка и спекуляция продовольствием. Из трехсот пленных основного лагеря, посланных в лесной лагерь Назаровка, среди которых находился и я, назад вернулись только 150 абсолютно больных людей. Остальные умерли, их зарывали в землю, зачастую не фиксируя даже имен. В поисковой службе Немецкого Красного Креста имеются длинные списки пропавших без вести в Рязани.

Бывшие военнопленные из рязанских лагерей, их в Федеративной Республике около 500 — объединились в "Лагерьное сообщество" и раз в два года

проводят встречи. Понятно, что этих людей с каждым годом становится все меньше.

В качестве благодарности Всевышнему за свое возвращение из плена и как напоминание, они установили табличку с названием их лагеря "Рязань" в крипте мемориальной церкви в Бохум-Ветмаре.

Я спросил переводчицу одной из рязанских делегаций, побывавших в Мюнстере, не знает ли она, случайно, моего старого лагерного "начальника" Леонида Крупникова из Рязани. Она обрадованно подтвердила, что знает, и сказала, что Крупников сейчас уже очень старый...

Перевод с немецкого Олега Шубина.
Мюнстер

Справка «Карты»:

Дислокация лагерей лагуправления N 454 НКВД по делам военнопленных и интернированных (Рязанская область России):

- лагеря 1,2,В — Рязань, район "Калицевские выселки", территория строящегося завода рсточных станков;*
- лагерь 3 — Рязанская область, станция Криуша;*
- лагерь 4 — Рязань, в двух километрах от станции Дягилево;*
- лагерь 5 — Рязань, территория завода сельхозмашиностроения ("Сельмаш");*
- лагерь 6 — Рязанская область, станция Курша;*
- лагерь 7 — Рязанская область, станция Назаровка;*
- лагерь 9 — Рязанская область, станция Свежельская;*
- лагерь 10 — Рязанская область, станция Старожиллово;*
- лагерь 11 — Рязанская область, село Мурмино, сукодная фабрика;*
- лагерь 12 — Рязанская область, станция Известь.*

Национальный состав: немцы, австрийцы, чехи, словаки, румыны, венгры, поляки, итальянцы, русские, украинцы, литовцы.

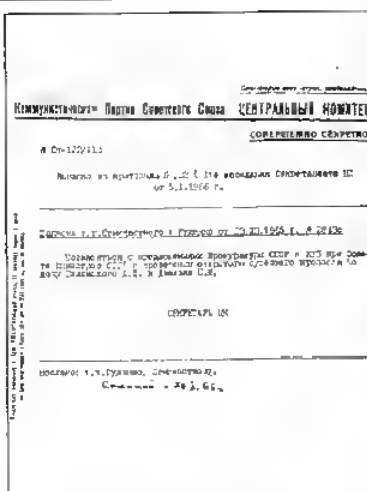
Wir wenden uns an die an dem Zweiten Weltkrieg teilgenommenen Personen, an ihre Familien mit der Bitte, uns durch eigene Erinnerungen, Zeugnisse, Fotodokumente zu helfen. Unsere Adresse ist: 390000, Russland, Rjasan-Zentrum, Postfach 20.

Fuer die Leser, die eine Moeglichkeit hatten, dem Rjasaner MEMORIAL bei der Finanzierung der Arbeit an

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Коммунистическая партия Советского Союза. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
N Ст-132/11с

Выписка из протокола N 192 параграф 11с заседания Секретариата ЦК от 5.1.1966 г.
Записка т.т. Семичастного и Руденко от 23.XII.1965 г. N 2843с.
Согласиться с предложением Прокуратуры СССР и РСФСР при Совете Министров СССР о проведении открытого судебного процесса по делу Синявского А.Д. и Даниэля Ю.М.
СЕКРЕТАРЬ ЦК
Послано: т.т. Руденко, Семичастному. Силиной — 28.1.66 г.
Подлежит возврату в ЦК КПСС (Общ. отдел. II сектор) через 7 дней со дня получения (Пост. ЦК от 29.XII.1938 г., пр. N 96/35)
Секретно
ЦК КПСС
В дополнение к N 2138-с от 17 сентября 1965 года

Титул документа ЦК КПСС.
ЦХСД Р3625, Ф.4, Оп.18, Д.954

Юлий Даниэль. В заключении.
ФОТО ИЗ АРХИВА А. ДАНИЕЛЯ

«Я твой окоп, Добро...»

Докладываем, что предварительное следствие по делу на СИНЯВСКОГО А.Д. и ДАНИЕЛЯ Ю.М., обвиняющихся в совершении преступления, предусмотренного ст. 70 ч.1 УК РСФСР, в ближайшее время (до 10-15 января 1966 года) Комитетом госбезопасности будет закончено.

Расследование установило, что СИНЯВСКИЙ и ДАНИЕЛЬ в период 1956-1963 г.г. под псевдонимами Абрам ТЕРЦ и Николай АРЖАК написали и по нелегальному каналу передали за границу ряд произведений антисоветского клеветнического содержания, порочащих советский государственный и общественный строй.

К таким произведениям относится повесть АРЖАКА «Говорит Москва», которая представляет собой злобный пасквиль на нашу действительность. Советский Союз в этом произведении показан как огромный концентрационный лагерь, где народ подавлен, запуган, озлоблен. По мысли автора, он так обработан «психологически», что слепо подчиняется всяческому разнузданному произволу властей, помогает им проводить в жизнь самые дикие мероприятия, отбрасывающие страну чуть ли не к первобытному состоянию.

События разворачиваются вокруг чудовищного авторского вымысла о том, что будто бы указом Верховного Совета СССР от 1960 года воскресенье, 10 августа, объявляется «Днем открытых убийств». Указ этот, с издевкой утверждает автор, является логическим продолжением начавшегося процесса демократизации страны, ... неизбежной мерой легализации убийств, которая лежит в самой сути учения о социализме.

Рассказы ТЕРЦА, собранные в сборник под названием «Фантастические повести», пронизаны чуждой нам моралью, клеветой на советских людей, на систему социализма, на нашу действительность. Автор этого произведения клеветает на советский образ жизни, делает попытку убедить читателя в том, что советское общество — это искусственная система, навязанная народу, который не верит ни в социализм, ни в марксизм, держится на страхе и боязни.

В повести «Суд идет» подвергается осмеянию советское общество, люди, история, мораль, культура, теоретические поло-

жения марксизма-ленинизма. И хотя это подается под видом критики культа личности Сталина, повесть проникнута неприкрытой злобой и ненавистью ко всему советскому. В одном из эпизодов автор, рассказывая якобы о существующей подпольной студенческой организации, ставившей целью «спасти идеалы революции», призывает, по существу, к борьбе «за настоящую советскую власть».

В злобно-издевательском тоне по отношению к самым дорогим для нашего революционного народа идеям и делам по коммунистическому переустройству жизни, написана и повесть «Любимов» ТЕРЦА.

Как показывают обвиняемые, названные выше произведения нелегально были переправлены ими за границу через ЗАМОЙСКУЮ-ПЕЛЬТЬЕ Элен — дочь бывшего военно-морского атташе в Москве и широко публиковались в США, Англии, Франции, Италии, ФРГ различными буржуазными издательствами и враждебной эмигрантской прессой. СИНЯВСКИЙ и ДАНИЕЛЬ западной прессой возводятся в ранг самых гениальных и талантливых писателей так называемого «советского литературного подполья», а их произведениям создается крикливая антисоветская реклама. Они широко используются идеологическими центрами противника в антисоветской, антикоммунистической обработке общественного мнения стран Запада, в распространении так называемой «правды об СССР», в дискредитации советского народа и его достижений, а также с враждебным умыслом засылаются в нашу страну.

Известный на Западе «специалист по русской литературе» Марк СЛОНИМ в книге «Советская русская литература. Писатели и проблемы», вышедшей в Нью-Йорке в 1964 году, пишет, что Абрам ТЕРЦ является «самым выдающимся представителем советской подпольной литературы». «Все советское общество, — продолжает он, — рисуется автором как сумашедший дом, в

котором невероятное принимается за норму».

В связи с выходом из печати повести ТЕРЦА «Любимов» автор многих антисоветских пасквилей белоэмигрант ФИЛИПОВ пишет: «...История заштатного города Любимова — это в капле воды история всего необъятного коммунистического мира, в первую очередь — коммунистического СССР».

Само появления таких произведений, как «Говорит Москва» АРЖАКА, «Суд идет» и «Гололедица» ТЕРЦА, говорится в предисловии к одному из изданий «Говорит Москва», показывает — как бунтует, как протестует свободная человеческая личность против превращения ее в простой винтик советского механизма... противящаяся превращению себя в механизм для международных целей коммунизма.

«Труды» СИНЯВСКОГО и ДАНИЕЛЯ по изготовлению клеветнических антисоветских произведений щедро оплачены иностранными издательствами. СИНЯВСКИЙ заявил, что во Франции от гонимых за произведения, опубликованные под псевдонимом Абрам ТЕРЦ, у него скопились значительные суммы франков.

На предварительном следствии СИНЯВСКИЙ и ДАНИЕЛЬ признали свое авторство в написании названных выше произведений и нелегальную переправку их за границу через ЗАМОЙСКУЮ-ПЕЛЬТЬЕ, а также факты распространения этих произведений среди своего окружения в Москве. Наряду с этим оба отрицают антисоветскую направленность своих произведений и наличие умысла на подрыв или ослабление советской власти. Деятельность по нелегальной переправке произведений на Запад СИНЯВСКИЙ и ДАНИЕЛЬ объясняют желанием увидеть их опубликованными. В то же время по вопросу опубликования этих произведений в Советском Союзе они ни к кому не обращались.

Преступная деятельность СИНЯВСКОГО и ДАНИЕЛЯ находит подтверждение в

выводах лексико-стилистической экспертизы, установившей их авторство в написании произведений «Любимов», «Говорит Москва» и др., в заключении Главного управления по охране военных и государственных тайн Комитета по печати при Совете Министров СССР об идейной направленности этих произведений и в показаниях свидетелей РЕМИЗОВА, ГАРБУЗЕНКО, ХАЗАНОВА, ДОКУКИНОЙ и др.

Так, установленный в ходе следствия еще один автор, публиковавшийся за границей под псевдонимом И. ИВАНОВ, кандидат филологических наук РЕМИЗОВ А.А. на допросе в качестве свидетеля показал, что на путь написания антисоветских произведений он стал в результате «сознательного неприятия в течение многих лет политики коммунистической партии в области идеологии».

Далее РЕМИЗОВ пояснил: «Постепенно становилось ясным, что я вполне созрелый кандидат в тюрьму. А чтобы из кандидата не превратиться в депутата, я, естественно, прибегал к различным формам мимикрии. Не сомневаюсь, что то же самое происходило и с СИНЯВСКИМ».

РЕМИЗОВ также показал, что ему известно о написании СИНЯВСКИМ произведений под псевдонимом Абрам ТЕРЦ, с которыми он ознакомился, и, в свою очередь, давал читать СИНЯВСКОМУ свои клеветнические произведения. Материалы на РЕМИЗОВА выделены в отдельное производство, и вопрос о привлечении его к уголовной ответственности будет решен после окончания следствия по делу СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ.

С согласия Секретариата ЦК КПСС Комитет госбезопасности совместно с Отделом культуры ЦК информирует писательскую общественность Москвы и Ленинграда, руководителей и членов партийных бюро Института мировой культуры им. Горького и отделения литературы и языка Академии Наук СССР о существовании уголовного дела на СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ.

В порядке обмена мнениями по информации выступило около 25 человек из числа писательского и партийного актива. Все они единодушно поддержали решение Комитета госбезопасности о привлечении СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ к уголовной ответственности и внесли много ценных предложений по улучшению воспитательной, профилактической работы в творческих коллективах. Многие в своих выступлениях высказывались за проведение судебного процесса и публикацию материалов в печати.

В настоящее время Комитетом госбезопасности совместно с Отделом культуры Центрального Комитета и Союзом писателей СССР готовятся соответствующие публикации в печати, в которых будет раскрыт истинный характер «литературной деятельности» СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ.

В целях обеспечения более подробной информации общественности и пресечения аналогичной деятельности со стороны отдельных враждебно настроенных лиц, представляется целесообразным дело СИНЯВСКОГО и ДАНИЭЛЯ рассмотреть в открытом судебном заседании Верховного Суда РСФСР и осудить преступников за написание и распространение литературных произведений, содержащих клеветнические измышления на советский государ-

ственный и общественный строй, по части I статьи 70 УК РСФСР к лишению свободы.

Судебный процесс предполагается провести в начале февраля 1966 года под председательством председателя Верховного Суда РСФСР тов. СМИРНОВА Л.Н., с участием государственного обвинителя — помощника генерального прокурора СССР тов. ТЕМУШКИНА О.П. в зале судебных заседаний Верховного Суда РСФСР, вмещающем 100 человек, и пригласить на процесс представителей советско-партийного актива и писательской общественности.

По нашему мнению было бы целесообразным участие в судебном процессе общественного обвинителя из числа литературных работников. В этой связи считали бы необходимым поручить Союзу писателей назвать кандидатуру на роль общественно-го обвинителя.

После окончания судебного процесса дать соответствующие публикации в печати и по радио.

Просим рассмотреть.

Председатель Комитета госбезопасности В. Семичастный
Генеральный прокурор СССР Руденко
23 декабря 1965 года
N 2843-с

СЕКРЕТНО
2-й сектор 04057
ЦК КПСС

Открытый судебный процесс по делу Синявского и Даниэля состоится в период с 10 по 12 февраля 1966 года в зале судебных заседаний Московского областного суда (зал вмещает 100 человек). Дело принято к производству Верховным Судом РСФСР и будет рассмотрено под председательством т. Смирнова Л.Н. Государственное обвинение поддерживает т. Те Лушкин — зам. начальника отдела Прокуратуры СССР; защиту обвиняемых осуществляют адвокаты г.г. Коган и Кисеницкий. Намечается выступление общественного обвинителя от Союза советских писателей.

Имеется в виду, что судебные заседания будут проходить в присутствии представителей трудящихся, партийно-советского актива, писателей и журналистов гор. Москвы; порядок их приглашения обеспечивает МК КПСС.

В связи с предстоящим судебным процессом считаем необходимым доложить предложения об освещении этого процесса в печати и по радио:

1. Репортажи своих корреспондентов из зала суда, а также официальные сообщения ТАСС о ходе судебного процесса ежедневно публикуют газеты «Известия» и «Литературная газета». Редколлегия газет «Правда», «Комсомольская правда», «Советская культура» и «Советская Россия» по своему усмотрению могут публиковать заметки собственных корреспондентов из зала суда.

Все остальные газеты публикуют о судебном процессе лишь официальные сообщения ТАСС; по радио о ходе судебного процесса передаются отчеты ТАСС и отдельные корреспонденции из газет.

АПН совместно с КГБ при Совете Министров СССР поручается подготовка соответствующих статей о процессе для опубликования за рубежом.

Корреспонденты указанных газет, ТАСС и АПН проходят в зал суда (без фотоаппаратов) по служебным пропускам, выдаваемым КГБ при Совете Министров СССР.

Да будет ведомо всем,
Кто

Я
Есть:
Рост — 177;
Вес — 66;
Руки мои тонки,
Мышцы мои слабы,
И презирают станки
Кривую мой судьбы;
Отроду — сорок лет,
Прожитых напролет,
Время настало — бред
Одолеваю вброд:
Против МЕНЯ — войска
Против МЕНЯ — штыки
Против МЕНЯ — тоска
(Руки мои тонки);
Против МЕНЯ — в зенит
Брошен радиоклич,
Серого задняя гранит
Входит со мною в клинч;
Можно меня смолоть
И с потрохами съест
Хрупкую эту плоть
(Вес — 66);
Можно меня согнуть
(Отроду — 40 лет)
Можно обрушить муть
Митингов и газет;
Можно меня стереть —
Двинуть машиной всей,
Жизни отрезать трать
(Рост — 177).

— Ясен исход борьбы!..
— Время себя жалеть!..
(Мышцы мои слабы)
Можно обрушить плоть,
Можно затмить мне свет,
Остановить разбег!..
Можно и можно...
Нет.

Я ведь — не человек:
(Рост — 177)
Я твой оккер, Добро,
(Вес — 66)
Я — смотровая щель,
(Руки мои тонки)
Пушки твоей ядро,
(Мышцы мои слабы)
Камень в твоей праще.

Юлий Даниэль
Из книги «Стихи из неволи»

Иностранцы корреспонденты на судебный процесс не допускаются.

2. Для подготовки официальных сообщений и просмотра корреспонденции о ходе судебного процесса образовать специальную пресс-группу в составе т.т.: Мелентьева Ю.С. (зам. зав. Отделом культуры ЦК КПСС) — руководитель, Ситникова В.Р. (зав. сектором отдела информации ЦК КПСС), Миляева А.А. (Отдел культуры ЦК КПСС), Кузнецова В.М. (Отдел административных органов ЦК КПСС), Волкова А.Ф., Бобкова Ф.Д. (КГБ при Совете Министров СССР).

Просим согласия.
Зав. Отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро

Зам. зав. Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС А. Яковлев

Зам. зав. Отделом административных органов ЦК КПСС Н. Савинкин

Справка
Указанные в записке мероприятия осуществлены.

Зав. Отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро

26/II-66 г.

330-А/1

«Хорошо, что мы — большевики...»

*Я строю на песке, а тот песок
еще недавно мне скалой казался.
Он был скалой, для всех скалой остался,
а для меня распался и потек.*

*Я мог бы руки долу опустить,
я мог бы отдых пальцам дать корявым.
Я мог бы возмутиться и спросить,
за что меня и по какому праву...*

*Но верен я строительной программе...
Прижат к стене, вися на волоске,
я строю на плывущем под ногами,
на уходящем из-под ног песке.*

Борис Слуцкий

1952 год.

ФОТО ЕВГЕНИЯ КАШИРИНА

21 мая 1956 года

Дорогой друг и товарищ Целина.

Письмо от 2-го мая я получил, большое спасибо за душевную теплоту. Из письма я узнал, что мое красноярское письмо Вы читали на собрании своих слушателей и мне как-то стало неловко, что обо мне говорили как о человеке, могущем быть примером для других. А ведь, говоря по правде, каждый из нас, большевиков-ленинцев, должен поступать, как поступали многие из нас. Я не мог писать в письме (по почте) о том, что мне известно о гибели наших старших товарищей.

В Красноярском лагере, на комендантском лагерьном пункте Нижнейменского отделения я встретил фельдшера КИЧИГИНА Михаила Александровича, с которым я потом работал в 1-м лагерьном пункте, 8-м и 5-м лагерьных пунктах. Он знал, что я связан с т. т. из КПЗБ, КПП и Коминтерна и не советовал мне что-либо писать о моих старых отношениях к ним, так как это может, по его мнению, навеки оставить меня в заключении. Меня возмутила такая постановка вопроса. Я, с присущей мне горячностью и страстностью, начал оспаривать все его доводы. Кичигин или из сострадания (чему я мало верил, но он говорил мне именно о сострадании), или из-за уязвленного самолюбия, сказал мне, что ему известно дело поляков-коммунистов и он мне может рассказать о нем. Меня это конечно не только заинтересовало, но и взволновало, так как во многих своих действиях не отделяя себя от названных товарищей. Взяв с меня слово молчать, он мне рассказал страшную версию. Говорю «версию», потому что я разуверился в людях, которые работали с Ежовым и Берия, а Кичигин был резидентом по Польше, а когда его на Западе стало держать невозможно, тогда он был переведен в центральный аппарат НКВД и ему Ежов поручил следственное дело ПОВ (польской организации войсковой). Сам Кичигин и до свержения самодер-

жавия, вернее до империалистической войны, жил в Варшаве, отец его был полковником царского гвардейского полка (кажется Волынского), но точно не помню, забыл подробности. Как сын полковника, он в армии стал ротным фельдшером, а после революции стал членом партии. Был женат на воспитаннице института благородных девиц. И может быть и потому, что все это является родимым пятном на его партийном лице, он пошел работать в ЧК для того, чтобы заслужить себе право быть большевиком. Это лучший вариант, который дает какое-то объяснение поступкам Кичигина. Все это я знал не по документам (их не было в лагере), а со слов самого Кичигина. Итак, дело идет о следователе Кичигине Михаиле Александровиче — вот что осталось в памяти моей из его рассказов про «ПОВ».

Пилсудский создал Польскую организацию войсковую по принципу строгой конспирации и брал лично сам людей ему известных и им самим проверенных. Кичигин утверждает, что такими людьми были: Иосиф Станиславович Уншлихт, Север-Прухняк, Опак-Богуцкий, Кочеровский-Славинский, Традиция-Будзинский, Будкевич, Гельтман, Лещинский-Ленский, Цихоцкий-Циховский и др. др. Они создали большую организацию, полностью подчиненную «дядеку». Вся КПП была их организацией. Он — Кичигин — знал руководящее ядро КПП, а всех связанных с ними руководителей он не отделял от них, а считал более или менее ответственными агентами «ПОВ». Исходя из того, что всех прибывших в Сов. Союз членов КПП и КПЗБ, Кичигин и другие следователи считали шпионами-«пэговками», около двадцати тысяч было взято на учет и арестовано. Многие «сознавались» в своей принадлежности к «ПОВ», а были и такие, как Кочеровский-Славинский, который на очной ставке с Севером и Шпаком говорил: «Скорее волосы вырастут у меня на ладони, чем я признаюсь в связях с

ПОВ». Я не могу писать о том, что говорил мне Кичигин, как вели себя отдельные товарищи, потому что не помню подробностей, а говорить неточно, даже про действия палачей революции, я считаю недостойным. Да, для меня было понятно и без объяснений, что немногие выдержали и не подписали ложных показаний на себя. Лично у меня хватило сил на 5-6 месяцев, а когда выбили зубы, пробили барабанную перепонку в левом ухе, переломали ребра, разбили живот резиновой дубиной, у меня началась двусторонняя пахово-мошоночная грыжа, выпадение всех слоев прямой кишки, незащипывающийся левый глаз — я подписал, что был белорусским нацдемом. Я просил, чтобы меня расстреляли, жить изорванным кровотокающим куском мяса было невозможно и я ждал смерти, как отдыха от истязаний. Да со мной еще не так старательно трудились приспешники Ежова-Берии. Доводилось встречать людей и в худшем состоянии. Правда, выживали не многие, но очень многие не отказывались от своих убеждений даже тогда, когда подвешивали за ноги, накачивали воздух в кишечник, ломали бедра, рвали сосуды (Зыкунов, Буценко, Тадарский, Сошкин). Я писал в ЦК, писал в Прокуратуру показания «об активных методах следствия», говорил на заседаниях партийной комиссии о пытках. Будет время и целесообразность для партии, я готов многое вспомнить, как бы это ни было тяжело для меня.

Нехорошо, что я отвлекся «от деятельности Кичигина». Но это так, в виде иллюстрации о их «труде», а не жалоба за себя. Он закончил дело «ПОВ». Ежов поручил ему написать историю этой организации. Он выполнил и это поручение. Ежов прочел историю ПОВ, Кичигина вызвал к себе и сказал свое мнение примерно так — дело вы провели хорошо, очень хорошо написали историю ПОВ и я уверен, что не будучи членом ПОВ, вы не смогли бы так прекрасно все это выполнить, а поэтому и вас мы арестовываем.

Дали ему, следователю Кичигину, 8 лет лагерей решением Особого Совещания и привезли к нам в лагерь. Он, конечно, сразу не сказал, кто он в прошлом, следователей в лагерях били насмерть, только после того, как узнал меня и взял с меня слово не говорить о нем никому, рассказал мне о себе и «о своих заслугах перед страной», которую он «спасал от пзвяков».

Кичигин писал Берия, что писал — я не знаю, но его освободили до конца срока. Назначили начальником медсанчасти нашего первого ОЛП (отдельного лагерного пункта), а затем он уехал в Москву к семье. Где он сейчас, я не знаю, но где бы он ни был, и что бы он ни делал, о нем должны знать правду, как об одном из палачей коммунистов им замученных. Замучил он, по всей вероятности, немало. Он не был заурядной личностью. Когда я ему доказывал, что товарищи — хорошие большевики, и они убиты по ошибке, он, возражая мне, говорил, что если бы он поверил мне в том, что они невиновны, он немедленно покончил бы жизнь самоубийством. И опять, по неумению скрывать своих чувств, я ответил ему, что «стреляться нужно было до тех пор, пока проводил аресты, а теперь нужно жить, может быть ты понадобишься при распутывании клубка клеветы».

Может быть он теперь застрелился, когда Главная Военная Прокуратура проверила по специальному заданию дела всех товарищей, названных мною в начале письма, и в том числе Пятницкого, Кнорина, и оправдала их.

Когда меня восстановили в партии, я пошел в

Главную Военную Прокуратуру поблагодарить полковника Борисова — прокурора, разбиравшего мое дело. Он в беседе со мною рассказал о судьбе Кнорина, Будзинского, Славинского, Прухняка, Пятницкого и др. др. Сказал, что только жена Кнорина — Нина Александровна приходила к ним, а родственники поляков не приходили. Я нашел Зосю Славинскую, но она уже знала об отце все. Там потом я встретил дочь Ульянова и его жену, встретил дочь Муклевича. И от них узнал, кто остался в живых.

Может быть, что тяжесть невозвратимой утери товарищей гнетет меня, может быть я должен был написать Вам это письмо, чтобы оно послужило разрядкой этой гнетущей тяжести, но как бы оно ни было, я написал Вам все, о чем хотел рассказать при встрече. Скрывать от большевиков правду, хотя бы и горькую правду, нельзя. Говорить ее, имеющим отношение к этой правде, недопустимо, ибо то горе, о котором написано в письме о культе личности, и так камнем легло на сердце коммунистов. Горе, постигшее КПП, понятно тем, кто знал эту братскую партию. Я, в меру своих способностей и понимания, знал КПП и КПЗБ, знал и дружил со многими членами партии из КПП и КПЗБ и помогал в работе, будучи в ЦК КП(б) Бел. и КУНМЗМ.

Восемнадцать лет не изгладили остроты чувств, в памяти моей остались светлые имена моих друзей, товарищей, останутся навсегда. Годы совместной работы сроднили нас, а годы испытаний не ослабили, а усилили это родное отношение к ним, большевикам-ленинцам.

Товарищ ЧЕРНОВ передает Вам в руки это письмо. О приемной дочери Вашей я узнал из письма, но ее родителей я не знаю. Вы мне о них не написали. Если мое знакомство не принесет ей душевных страданий, я готов встретить ее. Славинскую Зосю я хотел видеть как родную, а причинил ей очень много душевной боли. Она плакала весь вечер, и мне было трудно успокоить ее. Ваши девочки были маленькими, и у них есть неизгладимая скорбь сердечная. Может быть им не следует знать всех страданий, но вы не только любящая их мать, но и большевик-ленинец, сами решите и знаете, следует ли читать это письмо.

Хорошо то, что больше ни в одной стране не повторится страшная трагедия. То, что сделали наши товарищи до письма, то, что они написали в письме, все это поможет коммунистам всего мира избежать повторения нашей трагедии. Мы вынесли всю тяжесть ее. Многие на себе испытали жестокость пыток инквизиторов нашего века. Мы с Вами знаем, что будь мы послушными идолами, и будь мы верными служителями культа личности, мы бы тоже сидели на даче под Москвой, и не подвергались бы испытаниям.

Очень хорошо, что мы не очерствели, не стали бездушными себялюбцами, очень хорошо, что у нас не притупилось чувство товарищества, что мы остались искренними и по-юношески задорными и пылкими, а самое главное, что не убили в нас, что не надломили любви к светлым идеям ленинизма, к основоположнику этих идей — Владимиру Ильичу.

Хорошо, что в свое время мы стали большевиками-ленинцами. Такими мы останемся, пока будет биться наше сердце и мыслить мозг наш.

По-товарищески обнимаю Вас, дочерей Ваших, Якова, Лизу, Лену, Соню и шлю привет всем хорошим товарищам, помнящим меня добром.

Ваш

А боль не проходит...

Все, что я расскажу, я полвека хранил в тайне, и даже мой сын, которому сейчас 51 год, не знал ничего. И вот теперь в журнале среди списка репрессированных поляков я вдруг увидел фамилию моего отца...

Жили мы когда-то под Винницей, бывшая Киевская губерния, село наше называлось Радзивилловка. Прадед мой еще в незапамятную войну воевал, а фамилия его была Платон. Он женился на польке и принял ее фамилию, вот и стали мы Левицкие. Думаю, что из-за «ицких» мы и пострадали в 30-е годы. Отца арестовали, продержали недели две и выпустили, через три месяца посадили снова — и с концями. Меня же, как сына «врага народа», уволили с работы, а у меня уже была семья. Переживал я сильно. Поехал к другу в Бурею. А на меня уже розыск; я не скрывал, куда поехал, и по всей трассе сообщили о розыске телеграммой, только до Сквородино и доехал. Сняли с поезда, повезли в Иркутск.

Вся наша жизнь пошла под откос. Отец с матерью жили в казенной квартире, в бараке, а мы с женой снимали жилье на стороне. После ареста отца мать из квартиры выбросили и приказали убираться восвояси. Она уехала домой, в Радзивилловку. Но и там матери жить не дали, пришлось ехать к сыну в Бердичев. До жены моей, Пелагеи Кондратьевны, тоже добрались. Мы с ней были не расписаны, и она носила другую фамилию, однако, ей тоже пришлось уехать. Так и осталась она одна, беременная.

В Иркутскую тюрьму меня привезли 10 февраля 1938 года. Народу там было очень много — в одной камере нас было 750 человек. Это была даже не камера, а бывший хлебный склад, который быстро приспособили под тюрьму. Умирали многие. Но выдерживали, вешались. Хоронили погибших там же. Были мы все по 58-й статье — политические. В одном бараке было около 700 человек, в другом — 900, это не считая нашей камеры. Сидели и японцы, и эстонцы — кого только не было.

Туго мне пришлось в тюрьме. У меня было 4 следователя: Столовников, Федосеев, Пендюрин и еще один — фамилию не запомнил. Каждый из четверых новое дело заводил. Ворох бумаги исписывал и в пакет складывал — четыре пакета завели. Допрашивали следующим образом: Пендюрин дает мне готовый список, там 37 фамилий. Подпиши, говорит. Я не подписываю. Не знаю, говорю, неграмотный. Он читает вслух. Запомнил, спрашивает. Не запомнил, говорю. Всяко я увиливал — знал ведь, что с теми будет, на кого подпишу. Ну, раз не подписываю — со мной другой разговор: сидит следователь посередине комнаты и пиво попивает. У него 4 помощника-милиционера, которых называли «дрельщиками». Вот Пендюрин допил пиво, как бы нехотя встал из-за стола и вдруг как врежет мне пистолетом под дых. На ногах я не устоял. Пендюрин говорит «дрельщикам» — поднимите гада. Ну, они поднимают пинками, а если сам быстро не встал, руки выворачивают. Поэтому мне правую руку и теперь не поднять — это мне на память осталось. И руки, и ноги на допросах выворачивали. Брату моему Станиславу все внутри отбили: 17 мая 1939 года его выпустили, а в 49-м он умер.

Избивали долго, требовали подписать списки, а я держался. Не знаю, неграмотный. Поставили лицом к стенке, в угол. Четыре угла в кабинете у

следователя, и в каждом углу зек стоит. Посреди комнаты «дрельщики» сидят, в домино дуются. И следят при этом, чтобы в углу никто пошевелиться не смел. Чуть дернешься — тебя по шее заточенной ножкой от табуретки. Стоял я у стены до тех пор, пока валенки на мне не разрезали — пальцы ног толще запястья были. Стоял я и трое суток в карцере, по щиколотки в воде. И под «капелью» был — это такая пытка чекистская: с высоты семи метров на голову, капля за каплей, вода, как камнем по темени.

Списка я не подписал.

Я все думаю: какая жизнь нескладная! В 1923 году — голод, в 1929-1935 — коллективизация и опять голод, в 1937 — тюрьма, в 1941 — война, — и так вся жизнь в колдобинах. И здоровья нет — отбили, ведь как били!

Не знаю, и зачем я живу, и за что мне судьба такая. А боль эту и обиду за «врага народа» я всю жизнь ношу вот тут, на сердце, и не проходит она...

Иван Павлович ЛЕВИЦКИЙ.

Иркутск.

Комментарии излишни

Я получила письмо из Польши от незнакомой женщины.

«Уважаемая госпожа Рената Леонидовна!

Я, Каролюк Бернадета Константиновна, рожденная 25.03.1939 г. в Новые Свенцьяны, обл. Виленская, ЛССР, вместе с матерью Каролюк Брониславой Юстиновной, рожденной 20.01.1901 г. и братом Каролюк Зеноном Константиновичем, рожденным 31.10.1931 г., ночью 25.03.1949 года с Новых Свенцян была вывезена в ссылку в Сибирь.

13.04.1949 г. мы втроем приехали в Кутулик Аларского района Иркутской области. Оттуда повезли нас в колхоз «Красный Шапшалтуй», а потом, после 1 года, в колхоз им. Дзержинского в Александровку, ст. Кутулик Аларского района Иркутской области, где мы жили все время.

Я училась в семилетней школе в Кутулике и жила там в общежитии, а потом училась в десятилетней школе в 8 и 9 классе, откуда я с матерью и братом поехала в Польшу. В Польше мы были 6.01.1956 года.

Мой брат Каролюк Зенон Константинович работал в колхозе, имею его справку, которую вам посылаю.

Моя мать работала в колхозе им. Дзержинского, по приезде в Польшу умерла.

Я вас прошу прислать мне, пожалуйста, справку о том, что я была там, на Сибири от 25.03.1949 до декабря 1955 г., мне нужны очень здесь такие документы. Очень вас прошу.»

И — польский адрес.

Я запросила от имени «Мемориала» в Кутуликском поселковом совете такую справку, и мне ее довольно быстро прислали, а я отправила в Польшу Каролюк Бернадете Константиновне.

Ей было 10 лет, брату 18, а матери 48 лет, когда семью отправили в суровый сибирский край, в ссылку, в которую царь ссылал опасных революционеров — Ленина, Сталина и других большевиков, но их семьи он не трогал. Позже большевики с помощью сибирской ссылки боролись с детьми и женщинами.

Комментарии излишни.

Рената ЯКОВЕЦ

Слюдянка

Штрих к портрету

Тридцатые, предвоенные годы... Известные уже не по школьным, лживым и вылизанным учебникам, с крохотными вкраплениями правды. Годы, составленные мозаично из острых обломков судеб ярких личностей, уничтоженных Плесенью. Мозаика, в которой многие яркие частицы — тогдашние звезды и кумиры, — выцвели и потускнели, а многие другие, напротив, выступили и засияли. Время все расставляет по местам, бесконечно сортируя и тасуя, как огромный пасьянс, по мере открытия новых и новых подробностей той жизни.

Но есть нетленные имена, нетленные деяния, значимость которых не умалается, которые время лишь ласково шлифует и полирует, очищая от мутного налета.

Одно из таких имен — Мейерхольд. Написано и сказано о нем много, и вырисовывается портрет умного, очень талантливого, предельно честного человека. «Слишком» замечательного, «слишком» яркого, «слишком» нетривиального и в любви (помните, «Роман без вранья» А. Мариенгоф), и в творчестве. А потому — арест в 1939, в 1940 — расстрел.

Мой рассказ о предшествующих событиях, 1935, 1936 годов, о человеке, который обязан Мейерхольду личным благополучием, а может быть, и жизнью.

В 1935 году Лев Михайлович Зельман попал вновь сформированный 8 "А" класс 86-й московской школы, расположенной на Красной Пресне. В два класса "А" и "Б" были собраны ребята, в основном, с Пресненского Вала и улиц Красной Пресни.

"Б" был более элитарным, там учились дети артистов кино и театра, различных «шишек». "А" чуть скромнее составом, но и здесь были свои знаменитости: Игорь Миклашевский, чемпион Москвы по боксу в полуполетном весе (впоследствии стал разведчиком); Бубнов, перворазрядник по шахматам, который мог одновременно играть на 10 досках; Костя Есенин, сын Сергея Есенина, заядлый ценитель и знаток футбола. Костя был душой класса, да, к тому же, имел фотоаппарат, отдельную комнату в квартире Мейерхольда, своего приемного отца, доступ к большой библиотеке. Поэтому у него любители собираться гости. Часто бывал Лев и еще один мальчик (он стал крупным дипломатом, и Лев Михайлович предпочел его не называть). Мальчик этот жил далеко, в Переделкино, и иногда даже оставался ночевать у Кости.

И Зинаида Николаевна Райх, и Всеволод Эмильевич Мейерхольд были любезные и приветливые люди, бывать в гостях у них было приятно. Однажды, на день рождения Кости, друзей пригласили на дачу в Балашиху. Зинаида Николаевна, изумительно красивая, с походкой мягкой и плавной, была замечательной хозяйкой, угощала ребят глинтвейном и всяческими вкусностями.

Всеволод Эмильевич приходил иногда в школу, рассказывал о новом строящемся на Триумфальной площади театре с вращающейся сценой, движущимися лестницами (ныне площадь Маяковского, концертный зал имени Чайковского), присылал в школу контрамарки на престижный шестой ряд. Театр был неподражаем. Спектакли начинались выстрелом, а позже — ударом гонга. Занаве-

са не было, чтобы зрители могли все видеть, соучаствуя в действе. Однажды был устроен буфет, как сказали бы теперь, с самообслуживанием, т.е. люди брали съестное, клали деньги, брали сдачу без всякого надзора. Больше, правда, такого не повторялось. Спектакли, где почти все главные роли играла Зинаида Николаевна Райх, были неожиданными и запоминающимися. Кстати, забегая вперед, когда закрыли театр, по Москве ходили слухи, что это из-за новой постановки, где по ходу действия умирает старый еврей, звучит траурная музыка, а за окном видны красные флаги, идет революция. Комиссия, просматривавшая постановку, решила: Мейерхольд хоронит революцию.

Но вернусь к рассказу. В 9-м классе дружная троица, собравшись у Кости, решила создать организацию с громким названием «Лига справедливости», чтобы у учителей не было любимчиков, чтобы заслуженно ставили отметки, чтобы родители своим положением не влияли на оценки детей. Обычные школьные обиды. Напечатали «Устав», «Программу», газету с красивым названием «Альянс», воспользовавшись пишущей машинкой Мейерхольда. На радостях сфотографировались. А потом принесли все это в школу. Газету повесили на стену, «Устав» и «Программу» положили в классный журнал... Через час в кабинете директора Протасовой Ларисы Дмитриевны, бледной и растерянной, их расспрашивали дяди в штатском: кто из взрослых ими руководил? Кто стоит за ними? На следующий день расспросы продолжились уже в гароне (или тогда еще гуано?) Три часа спрашивали все о том же. Что последует дальше, было ясно. «Врагов народа» становилось все больше... Но их спас Мейерхольд, имя которого пока еще имело вес. Пока еще, ибо опала уже началась. А поступок этот, возможно, послужил отправной точкой, толчком для «режиссеров» с Лубянки.

Ребята отделались легким испугом, хотя и за меньшие грехи люди навсегда меняли свою жизнь на лагерное существование.

Лев после десятого класса поступил в МАИ и никто никогда не вспомнил ему эту историю. Третий организатор, как уже говорилось, стал дипломатом.

С Костей судьба обошлась круче. Летом 1939-го, после ареста Всеволода Эмильевича, зверски убили мать — Зинаиду Николаевну Райх. Из квартиры в Брюсовском переулке Костю и его сестру выселили. А дальше война... Простым рядовым. Но хоть здесь повезло — выжил.

Лев Михайлович с Константином Сергеевичем связя не потерял. Они встали и после войны, Константин Сергеевич приезжал в Рязань. Жаль, что запрет на имя Мейерхольда так и не позволил ему написать о своих родителях и о тех событиях. Похоронен он в Москве на Ваганьковском кладбище рядом с родителями: Сергеем Есениным и Зинаидой Райх. Рядом — памятник Всеволоду Мейерхольду. Тела там, конечно, нет.

Вот и вся история. Больших открытий, значительных фактов в ней нет. Это просто фрагмент нескольких жизней в пересечении и штрих к портрету великого человека.

Екатерина НАУМКИНА

Рязань

РОССИЙСКИЙ ЦЕНТР «КАРТА»

Российский независимый исторический журнал «Карта»
Рязанское отделение международного историко-просветительского, правозащитного и благотворительного общества «Мемориал»
Редакция демократической газеты «Рязанский вестник»

Программа «Индекс репрессированных»:
создание общедоступной компьютерной базы данных персоналий советских и иностранных граждан, репрессированных на территории региона

Программа «Архив»:
исследовательская работа в отечественных и зарубежных архивах по изучению истории карательных органов и репрессивной практики государств Восточной Европы

Программа «Свидетельство» (устная история):
запись и обработка воспоминаний бывших узников тоталитарных режимов

Программа «Карта ГУЛАГА»
Изучение пенитенциарной практики тоталитаризма в регионах бывшего СССР и странах Восточной Европы, поиск мест захоронений жертв репрессивных режимов

Программа «Мемориал совести»:
восстановление кладбищ лагерей НКВД-МВД, установка памятных знаков в местах гибели жертв тоталитаризма

Программа «Солдаты второй войны»:
сбор информации о судьбах военнопленных, концентрационных лагерях, местах захоронений погибших воинов

Программа «Независимая типография»:
создание независимой полиграфической базы для демократических изданий региона, выпуск непартийной демократической газеты «Рязанский вестник», просветительская деятельность в области защиты прав человека и основных демократических ценностей

Программа «Карта»:
издание российского независимого исторического журнала «Карта» для публикации исследований в области новейшей истории, касающихся репрессивной политики государств Восточной Европы, истории инакомыслия, правозащитной деятельности современников

To the notice of those, who want to support the struggle for human rights and historical justice restoration in the former USSR.

Oer Aufmerksamkeit derer, die den Kampf um Menschenrechte und die Wiederherstellung der historischen Gerechtigkeit in der ehemaligen UOSSR unterstützen mochten:

Current account for rendering assistance —
in Germany: N10707269, Bankindex 40050150, Stadtparkasse Muenster, Westf, BRD.
in Poland: N A-00210988 P.K.O. SA ODOZ Olsztyn, ul. Dabrowsczakow 30, Polska.